

ЮРИЙ
НИКИТИН

Бездна

Юрий Александрович Никитин

Бездна

Серия «НИКИТИН»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68695885

Бездна: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-179211-4

Аннотация

Они воскрешают наших предков. Где предел гуманизму, когда следом за повешенными декабристами возвращают их палачей? Роман-предупреждение, о возможном будущем смелых разработок.

Знаменитый Юрий Никитин, о близком будущем и пугающих перспективах технологического прогресса.

Один из самых популярных российских фантастов. Автор прославленного славянского фэнтези «Трое из Леса».

Работал литейщиком и геологоразведчиком на Крайнем Севере. Окончил Высшие Литературные курсы «Московского Литературного института». С 1976 года написал 157 официально изданных романов. Много работать, быстро писать новые книги и удивлять читателей неожиданными идеями – необходимо и естественно для Юрия Никитина.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	75
Глава 9	85
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Юрий Никитин

Бездна

Часть 1

Глава 1

Чёрная долина с огненными провалами в обугленной земле выглядит исполинской мордой самого дьявола, где адской злобой горят багровые глаза озёр магмы и лавы.

Я наклонил голову и ломился через этот ужас. Из угольно-чёрного дыма медленно выступили и начали с каждым шагом приближаться два чёрных обугленных столба, угловатые, с застывшими наплывами камня.

То ли бывшие скалы, то ли башни, страшный жар равномерно источил и оплавил со всех сторон, у основания бугристая площадка растёкшегося, словно густой коричневый соус, гранита.

Между столбами провисает под тяжестью толстых колец оплавленная цепь, загораживая проход, но можно обойти справа и слева по застывшей корке лавы, а дальше снова кипящее море огненной магмы.

Зелёная сочная трава осталась за спиной, я остановился

на миг, но заставил себя шагнуть дальше, Впереди чёрная спёкшаяся масса пережжённой почвы, попался клочок травы, но высохла и скукожилась, дальше нечто вроде вскрытого угольного карьера, пышет жаром и дымится, словно после ядерной катастрофы.

Под ногами захрустело, но не пересохшие стебли травы, а странные кристаллы, похожие на льдинки. Взвился лёгкий дымок истончающегося пепла.

Земля серая, словно под толстым слоем тумана, из впадин торчат верхушки обугленных камней. Жар с каждым шагом всё сильнее, попалась дорожка, то ли уцелевшая с древних времен, то ли протоптанная некими обитателями этого ада, очень когтистыми, судя по глубоким царапинам в камне.

Волосы встопорщились, попытался представить себе этих существ, что выныривают из кипящей магмы, выползают на сушу и гуляют, роняя с тел капли быстро застывающего металла.

Под ногами похрустывает раскалённая ярко-красная корочка, похожая на узор из тысяч крупных снежинок. Я сосредоточился и велел себе не чувствовать удушливый жар, в старые времена от меня осталась бы горстка пепла.

Часто с сухим треском трепещут молнии, тоже зловеще красные, багровые и ярко-оранжевые. Чудовищные разломы в почве уходят, как показалось, до самого центра планеты, вижу отвесные стены, похожие на срез исполинского слоеного пирога, где вслед за чернозёмом, песком и глиной идут

слои палеозоя и всяких там мезозоев.

Из трещин вздымается нестерпимо сухой воздух, а на вершинах зловеще дымящихся сопок угнездились ужасающие химеры из огня и железа.

У всех огонь и дым из пастей, в любой момент готовы, судя по уже растопыренным ярко-красным крыльям, взметнуться в нестерпимо жаркий воздух. Под их раскалёнными телами земля горит, камни щёлкают, лопаюсь от жара.

Я шел опасливо, там у них гнезда, любого порвут, а здесь, внизу, может, и не тронут.

На горизонте багровое зарево, огромная тяжёлая туча чёрного дыма, он не просто рвётся в небо, а быстро выстреливается из жерла вулкана, а в нем словно трепещут фейерверки, это раскалённые добела камни вылетают со скоростью снарядов, оставляя за собой шипящие и яркие, как хвосты комет, следы.

– Ну ты и гад, – прошептал я, губы пересохли, а язык уже царапает десны, – какого хрена поселился в таком аду?

Почва под ногами и вокруг, включая скалы, осыпана горячим пеплом, лёгкими облачками взлетает под ступнями и уже покрыл мне ноги до колен.

В дымном горизонте проступают обугленные скалы, словно поднялись из самого ада, над головой в разрывах низких туч проступило красное с чёрным небо, зловещее и гнетущее.

Я невольно горбился, а когда над головой громыхало и

блистали багровые молнии, завидовал черепахе, что может спрятаться под надёжный панцирь.

Передвигаться пришлось по чёрной с сизым оттенкам лаве, перепрыгивал трещины, в глубине багровая лава, часто раскалённая до оранжевости.

Под ногами магма из слипшихся камней, уже остывающих, хотя всё ещё горячих, потому выглядит как крупно-блочная плитка.

Если остановиться над такой трещиной и смотреть в этот раскалённый ад, начинает казаться, что это я плыву, как аэростат, а кипящая магма и есть настоящий мир, который ждёт меня.

Дальше трещины, что уже не трещины, где внизу ручьи, а ущелья с целыми реками расплавленного металла, а я пробираюсь по краю опасного обрыва, что может обрушиться в любой момент.

Преодолевая дрожь во всём теле, перепрыгивал с камня на камень, закрывая лицо ладонями от бьющего снизу нестерпимого жара.

Наконец, вот он, тот самый окружённый бурлящей лавой островок чёрного прокаленного камня. Воздух сухой и острый, я старался не раскашляться, хотя в горле не просто першит, а будто наждаком, а то и вовсе когтями.

Гавгамел, обнажённый до пояса, с красным, как у варёного рака, телом, весь в могучей мускулатуре, зачуял меня издали, даже не обернулся, только сказал грохочущим голо-

сом:

– Что, и ты решил?

– Всю жизнь мечтал, – буркнул я.

Он опустил молот, тяжёлый, как у Тора, но с длинной рукоятью, тот блестит титановым напылением. красиво повернулся, словно позирует на подиуме, рослый и налитый силой, весь в тугих жилах, кожа блестит от пота, ещё больше обрисовывая его могучую статью, где ни капли жира.

– Что за дурь? – спросил я зло.

Он ответил с чувством:

– Лупайте сю скалу! Нехай ни жар, ни холод не остановит вас!.. Вот и лупаю, как велел Великий Каменяр.

– Хреновый из тебя лупист, – сказал я. – Такие скалы лупить – не перелупить.

Он ухмыльнулся победно, даже отвечать не стал, оба знаем, впереди у нас вечность.

– Чего здесь? – спросил я. – Вон там не так жарко. И лава далеко.

Он покачал головой, в глазах торжество человека, который умеет переломить себя и заставить делать не то, что хочется, а то, что нужно, чтобы потом гордиться собой. Психологи такое зовут эффектом отложенного удовольствия.

– Здесь алмазный карьер!.. – пояснил он с покровительственной ноткой знатока, что общается с невеждой. – Самые чистые чуть ли не в земном ядре вытворяются, а наверх их выхрюстывает с магмой и лавой!..

Я буркнул:

– Какие тебе нужны? Только скажи, наделаю хоть мешок.

Могу сразу бриллиантами.

Он сказал оскорбленно:

– Не прикидывайся. Сам понимаешь, добытое своими руками – другое дело.

Опершись на молот, бросил мне в мозг яркую картинку-притчу, в которой отец сердится на уже взрослого непутёвого сына, не желавшего работать, наконец выгнал из дома со словами, что примет только тогда, когда тот через год принесёт заработанный своим трудом рубль. Сын ушёл, работать все равно не стал, а жалостливая мать тайком от мужа дала ему серебряную монету, чтобы тот по возвращению вручил отцу.

Снова сынок год гулял и кутил, потом явился к отцу и гордо вручил ему рубль. Тот взял монету, повертел в пальцах, даже понюхал, а потом сказал, что фальшивая, и швырнул в горящий очаг.

Сын сказал: «Ну как скажешь, отец, но я её заработал». Отец ответил на это: «Иди и заработай на самом деле, тогда возвращайся!».

Мать снова пожалела, дала сыну денег на безбедное проживание и сказала: «На этот раз перепачкай руки сажей, чтобы отец поверил!». Сын так и сделал, даже морду и одежду выпачкал, но отец и в этот раз взял монету, повертел в руке, пощупал, а потом со словами «Фальшивая» швырнул в огонь

и добавил: «Иди и заработай!»

Делать нечего, отца обмануть никак, пришлось идти и заниматься подмастерьем к кузнецу. Год тяжело работал, почти всё уходило на еду и одежду, но собрал медяков, обменял на рубль и вернулся к отцу. Тот взял монету, повертел в ладони, пощупал и швырнул в огонь со словами: «Фальшивая».

Тут сын вскочил, ринулся к очагу, голыми руками разгреб раскалённые угли, выхватил горячую монету, закричал: «Ты с ума сошел! Я целый год не разгибал спины, чтобы её заработать!».

Отец на это ответил: «Вот теперь вижу, что да, в самом деле заработал».

Притча промелькнула в мозгу в доли секунды, яркая и красочная, я сказал саркастически:

– Ему отец не дал бы наследства, понятно, а ради чего ты?

Он взглянул с тем же сожалением умудрённого жизнью человека, что разговаривает с молодым дурнем.

– Тебе не понять, выюнош.

– А тебе? – спросил я.

На миг в его глазах мелькнуло смущение, спросил уже другим голосом:

– Чем обязан такому срочному визиту?.. Ты в голограмме?

– Реален, – буркнул я. – Мир меняется, Гавгамел. Нужно собраться нашему комитету.

Он не охнул, как я ожидал, но брови приподнялись, а гла-

за чуточку расширились.

– Что? – переспросил он прежним набатным голосом. – Неужели...

Я кивнул.

– Да. Где Новак и Явтух?... Что-то с ними нет связи.

Он чуть помрачнел.

– У меня тоже. Уже с месяц. Свяжись лучше с Южанином и Казуальником. Они, правда, живут по старинке, никакой мыслесвязи, но лучше начни с Южанина. У меня к нему прямое окно. Хочешь?

– Куда угодно, – огрызнулся я, – только бы отсюда, мазохист.

Он ехидно оглянулся.

– Вон там, у той красной стены, видишь?

Я оглянулся, туда шагов десять, идти по тонкой корочке застывшей лавы, отсюда в щелях видны стремительно двигающиеся под ней потоки расплавленного железа.

– Ну ты и гад, – сказал я с сердцем. – Мог бы и ближе поставить. А мне надо ещё Аркашу и Тартарина предупредить. Где они сейчас?

– Аркаша в Версале, – сказал он, – но лучше сперва к Южанину. Он тоже обрубил связь. Не знаю, зачем?

Я смолчал, кора магмы как тонкая льдинка, уже пугающе потрескивает под ногами, сердце замерло в ужасе, в щели и окошки зрю под ногами не просто потоки, а багрово-красный океан с оранжевыми прожилками.

Сердце вообще остановилось, тоже боится услышать хруст, после которого корка проломится, и мы с ним вместе рухнем в этот огненный ад.

Внизу иногда булькает, *на* поверхность выныривают то ли всплывшие куски скалы, то ли плавники чудовищ, живущих вечно кипящей магме.

На той стороне я повернулся к Гавгамелу, он победоносно улыбнулся, вскинул руку, демонстрируя рельефную мускулатуру, которой позавидовал бы и Геракл, вытянул пальцы и резко взмахнул сверху вниз.

В шаге от меня с треском разошлась щель в пространстве. Я поспешно вдвинулся, уже чувствуя аромат свежего воздуха и приторно сладкие ароматы изысканных цветов.

Здесь сказочно прохладно, воздух чист и свеж, как в своё время сказал Тургенев, как поцелуй ребёнка, небо уходит ввысь, прямо бездна какая-то немыслимая.

Я с удовольствием мощно вдохнул, то ли во мне выветрилась вся романтика, так красиво зовут юношескую дурь, то ли не те гормоны, но не представляю, как бы я вот стал создавать скалы, чтобы потом их «лупать». Если раньше существовало такое уродство, как спорт, то там хотя бы понятно: спортсвики как бы расширяли возможности человека.

Хотя, конечно, то возможности не человека, а животного, в теле которого всажен человек, но хотя какая-то отмазка, да и мощную мускулатуру иначе было не приобрести, а для самок всегда было важно, чтобы их самец был сильным и

нагибал других, но сейчас... зачем?

Понимаю, переел сладкого, но всё-таки в такую крайность... ГМ...

Глава 2

По дорожкам исполинского сада Южанина грациозно бродят диковинные животные, что-то вроде газелей, но ещё изящнее, у них глаза уже не глаза, а глазища, впятеро крупнее, почти на грани, а то и за гранью карикатурности.

Одно подошло, подставило шею. Я безучастно чеснул пару раз, и животное интеллигентно удалилось, в то время как простое лесное продолжало бы подставлять спинку и нахально настаивать, чтобы почесал ещё.

В сотне шагов дальше фонтан, окруженный бассейном, в центре фигура Геракла, разрывающего пасть писающему мальчику.

Водяные струи бьют высоко в небо тугими струями, там распыляются на мириады сверкающих в солнце алмазиков, те зависает надолго, а потом медленно и неохотно опускается к траве.

Я ускорил шаг, давно так много не ходил, даже покалывание в голенях чую, хотя с чего бы при наших возможностях. В черепе мелькнуло раздраженно-брезгливое насчет брындаловщины, слишком пестро и ярко, хотя большинство строений Южанин слизал с индийских и восточных храмов, но перегрузил драгоценными камнями исполинского размера, хотя какие драгоценные, в мире давно нет ничего драгоценного, если брать во внимание материальные вещи. Хотя в ду-

ховном тоже, но по слухам, ещё где-то и какие-то есть, хотя новые уже не возникнут, что как бы нехорошо, зато здорово.

В стороны идеально ровными лучами расходятся широкие дорожки, по обе стороны генетически измененная трава, вырастает всего на сантиметр, сто лет не сохнет, не гниет и не ломается, такие же зелёные бордюры с обеих сторон, только повыше, а сама дорога, что легла под ноги, повела к исполинскому храму, действительно величественному и прекрасному, если бы Южанин не испоганил россыпями бриллиантов, изумрудов и рубинов размером в человечесью голову, это чтоб были видны издалека.

Еще раздражают длинные светящиеся гирлянды между колоннами, назначения их не понял, наверное, Южанин так выражает свое понимание искусства. Если что-то строится абсолютно бесполезное, то это предмет искусства, знаем.

Южанин, неприлично толстый и в тоге римского сенатора, выехал навстречу на роскошном диване с золотыми ножками, но слез, тяжело и развалисто шагнул навстречу, раскидывая жирные руки с растопыренными розовыми пальцами, похожими на свежесваренные сосиски.

– Тютюн, – сказал он тонким голосом оперного тенора, – Давно тебя не видел!.. Прекрасно, мы как раз тут собрались обедать, аки лукуллы хреновы.

Я покачал головой.

– У тебя и так харя вот-вот треснет.

– Хорошего человека должно быть много, – сообщил он. –

А я хороший, вот сколько мобов, а никого не бью, ты же сейчас от Гавгамела?.. Только чешу и глажу! У меня все в мире и согласии. Даже комары не кусаются!

– У тебя комары?

Он ответил с довольным смешком:

– Ещё какие!.. Есть с воробья в размахе. Но все на соке трав, его много, на стадо слонов хватит. А что ты, против комаров?. Они такие красивые!.. Изящные, я бы сказал. Чувствуется в них чеховская интеллигентность.

– Если не кусаются, – сказал я, – то да, изящные, согласен. Аристократы!

– Пойдём, – предложил он, – в зале накрывают столы.

– Пойдём, – согласился я.

Вообще-то последний раз я ел где-то с неделю тому, был в гостях у Аркаши Ламмера, а так я к еде равнодушен. И мне всё равно, за счёт чего всегда тот же вес, а нажраться не тянет. Так однажды восхотел, и это было организмом принято к сведению.

Он взгромоздился на диван, тот даже ножки укоротил, чтобы властелин опустился на лож без проблем, а я пошёл своим ходом, на Южанина поглядывал искоса.

Жрун и гурман, лукулловец, толстый, как Анна Каренина и Гамлет, но двигается с их же лёгкостью, часто хохочет, рассказывает анекдоты, всегда сыт и весел, нос в табаке. Когда-то был хорошим программистом, но стремительное развитие технологий и его ухитрилось оставить на обочине, хо-

тя, подозреваю, сам виноват, успокоился, слишком погряз в удовольствиях, забыв, что удовольствия бывают не только ниже пояса и в роскошных застольях.

В нашей компашке был ещё Инфарктник, тоже программист, уступал по классу Южанину, но упорно вгрызался во всё новое, женщинам и жратве уделял не больше времени, чем того стоили, рос по левлам, сейчас где-то среди сингуляров, вряд ли помнит о таких тараканах, как мы и каким был сам.

Я вздохнул, у всех у нас свои причины, почему мы здесь, а не там.

Перед входом во дворец, у самой нижней ступени, из ниоткуда возник широкий стол, накрытый белоснежной скатертью с красными цветами по свисающим до земли краям, высокая узкогорлая ваза с пурпурными георгинами, во все стороны покатились расширяющиеся круги низкобортных тарелочек с изысканными, как предполагаю, блюдами.

Я уловил запах жареных лебедей, перепелок, ещё чего-то мелкого, Южанин мясоед, даже рыбу потребляет редко, не говоря уже о съедобных травах.

Он повел царственным жестом.

– Садись. А то в дом переть далеко.

– На диване? – съехидничал я. – Это у тебя такой зал?

– А то, – согласился он. – Когда можно здесь, почему нет?..

Тихо, никакая птичка сверху не какнет, иначе в жопу такой умной петарду.

– А как же любовь к природе?

Он сказал недовольно:

– А я не природа? Хоть Казуальник и говорит всякое заумное, но я природный, вот свою природу и люблю! А её у меня много.

– Ну да, – согласился я, окинув взглядом его безразмерные тела, – если у тебя вместо крыши небо.

Подкатил стул, я с удовольствием опустился на мягкое сидение, у Южанина комфорт везде и во всём. Под моей задницей стул сразу превратился в кресло, чутко подстраиваясь под новую конфигурацию. Жаль, не было такого, когда сутками горбился перед экраном компа, стараясь побыстрее добраться до хайлевлa, сейчас фигура была бы получше, но поправлять не стану из принципа.

Из-за моего плеча протянулась белая рука, подавая на стол широкую тарелку с гроздьями сочного винограда.

Я оглянулся, молодая женщина с идеальной для Южанина фигурой, т. е., узкоплечая и с широченным задом, улыбнулась и удалилась в сторону дома, величаво двигая могучими бедрами.

Я кивнул ей в спину.

– Аватарка или реальная?

Он отмахнулся.

– Да какая разница?.. Пусть даже реальная, я не капризный. Сами все никак не решим, не энпээсы ли в чьей-то игре?.. Казуальник задолбал своими намекабельными идея-

ми... Так что расслабься и получай удовольствие. Если удаётся, конечно.

Я пробормотал:

– Но наш мир создан для удовольствия?

Он сдвинул плечами, мне это напомнило величавое колышанье океанских волн вдали от берега.

– Смотря кем. Господь пинком вышвырнул Адама из рая и сказал, что отныне в поте лица будет зарабатывать на хлеб. Сомнительное удовольствие! Но мы, атеисты, сказали, что мы наш, мы новый мир построим! И построили. Ну как получилось.

Я уловил в его бодром голосе нотку сомнения, сказал успокаивающе:

– Ничего, получится лучше. Мы только начали.

Он бесстыдно улыбнулся во весь акулий рот с двумя рядами голливудских зубов.

– А то!.. Я здоровый человек, но вот-вот от скуки до перверсий дойду!

Он перекрестился, мощно сплюнул через левое плечо, проследил, как плевок с треском разбил обрамляющий дорожку камень, тот через пару секунд оплавился, как воск на жарком солнце, но тут же поспешно вырос и послушно застыл в прежней форме.

– Не дойдёшь, – заверил я. – У нас рабоче-крестьянская психика. Устойчивая.

– А что случилось? – спросил он с любопытством. – Ты у

меня вообще ни разу не был!

– Многое случилось, – ответил я, – и дажестряслось. Но самое важное – с завтрашнего дня можно заниматься тем, ради чего создавали наше общество.

Он охнул, даже отшатнулся, его крохотные пороссячьи глазки стали размером с блюдца.

– Ты чё?

– А вот так, – ответил я. – А то уже и забыли о нём, а день пришёл!

Он радостно потёр ладони. Это было так, словно две медузы готовятся копулировать, но тут же с мягким шлепком опустил руки на край столешницы и сказал почти деловым тоном:

– Прекрасно!.. А то уже, ты прав, мы ж для высоких целей, а сами погрязли и угрузли в лукуллизме.

Я буркнул:

– Ну грязь у тебя хорошая. Наверное, целебная.

– Не знаю, – ответил он, – но, честно говоря, с каждым днем вылезать всё тяжелее. Всё целебнее... наверное. Ты ешь, ешь!.. Что, не лезет?.. Эх ты, что за молодёжь пошла... Ладно, открыть к Аркаше или Казуальнику?.. У меня даже к Явтуху есть, а он, ты знаешь, отшельник, никого видеть не желает.

– С тобой дружат все, – подтвердил я, – К Казуальнику загляну, а остальным сообщи сам, ладно?.. Встречаемся завтра у меня. Нужно решить, с чего и как начнём. Мы ж трудиться

отвыкли, не так ли?

– Если не считать Казуальника, – согласился он. – Щас свяжусь... К нему так просто низзя.

Он сосредоточился, посидел в полной неподвижности, морща лоб, словно вспоминая забытые пароли и логины, наконец широкое лицо стало в улыбке ещё шире.

– Ага, вот он...

Над столом возник небольшой круг, размером с тарелку, появилось лицо Казуальника, сухое и вытянутое, как у породистой лошади, глаза ввалившиеся, взглянул на обоих по очереди с таким подозрением, словно раскрыл какую-то гадость с нашей стороны.

– О, с тобой ещё и Тютюнник?.. Что стряслось?

Южанин сказал хвастливо:

– Я для тебя два камня Вечного Огня достал. Где ты щас?.. Не кипятись, не кипятись! Так и скажи, на работе...

Казуальник ответил сердито:

– Передай их Карлсону, хорошо?.. Он где-то близко к тебе, сейчас заскочит.

Южанин сказал с сомнением:

– А ты ему доверяешь?.. У него рожа очень уж неблагонадежная. А камни эти можно добыть только раз в пять лет, сам знаешь, какими трудами.

Казуальник сказал недовольно:

– Забодал своими дурными шуточками. Сам знаешь, Карлсон и есть я.

– Это ты забодал своими твинками, – возразил Южанин. – Подумаешь, разносторонняя личность! А я вот цельная, как Эльбрус на Памире. Или в Тибете, не помню.

Казуальник поморщился, у всех память абсолютная, а ещё мгновенный доступ ко всем знаниям, что накопило человечество, но среди эстетов модно как бы что-то не помнить или забыть. Такое вроде бы придает больше человечности, прикосновенности, а то и вовсе приобщения к традиционным ценностям, так называемым вечным, хотя во вселенной нет вечного, а среди людей так и вовсе сердце красавицы склонно к измене.

– У нашего Тютюна серьёзные новости, – сказал Южанин другим тоном. – Видишь, какой он важный? Говорит, скажет только с глазу на глаз. Чтобы вражеская агентура не перехватила! Госдеп не дремлет, а болтун – находка для врага.

Казуальник взглянул на меня искоса без всякой теплоты в глазах.

– Это я враг?

Южанин сказал весело:

– Ага, уже моих изысканных шуток не понимаю?

Казуальник ответил сухим, словно пролежавшая сто лет в Сахаре коловратка, голосом:

– Хорошо, буду. Переброшь нашего генерала, если здоровье ему позволяет.

Южанин улыбнулся, здоровье нам теперь позволяет что угодно, но старая шуточка ещё в ходу, свёл ладони с расто-

пыренными пальцами вместе, пошептал, как бабка Ванга на приёме у Мессинга, разом раздвинул.

В пространстве блеснула узкая щель, на той стороне дикий и неухоженный мир, пахнуло лесом и живицей.

Я сказал с неудовольствием:

– А пошире?

Южанин ответил бодро:

– Могу, хотя что-то устаю быстро.

Глава 3

Мне показалось, что ладони Южанин раздвигает в самом деле с трудом, но щель стала вполне, я поднялся из-за стола, все равно всегда сыт, шагнул, пока Южанин держит, а как только перешагнул на ту сторону, пространство за моей спиной с влажным хрустом схлопнулось, словно переломили подсолнух размером с секвойю.

Здесь мир не совсем дик, вдали полуразрушенный старинный замок в восточном стиле, сохранились выложенные каменными плитами дорожки, красивые диковинные цветы из щелей между ними, поддерживая очарование запущенности и неухоженности, природа как бы сама по себе.

Правда, пара цветков торчат прямо из плит, малозаметная небрежность, но я перфекционист, всегда коробят неточности.

Над ухом раздался шепот Южанина:

– Правда, красотища? Умеет создавать уют. Отыскал же дикое местечко на планете! Говорит, со времен каких-то Лу-ёв! Ещё первых.

– Да, – согласился я, – явно с тех времен.

Что цветы растут не совсем так, как правильно, и Южанин не замечает, но, возможно, и не знает, как должны, все мы дети асфальта, так что все путём, дикое так дикое, заброшенное так заброшенное.

Чуть впереди замерцала едва видимая фигура, безобразно толстая, повернулась в мою сторону, я узнал нарочито небрежную голографию Южанина.

– Проведу тебя чуть, – прошептал он заговорщицки, – здесь заблудиться раз плюнуть. Это вот у него Сад Волшебных Колопендрей.

– Колопендров, – поправил я.

Он беззаботно отмахнулся, наяву вряд ли смог бы при его туше с такой лёгкостью махнуть бревнообразной лапой.

– Да пусть хоть колупандров! Без разницы, просто нравятся эти забавные создания Господа.

Он быстро взглянул вверх и сказал громко:

– Господи, ты слышишь? Я всеми твоими творениями доволен! Особенно что ты создал меня, такого умного и красивого.

– И скромного, – буркнул я.

– Всё в руках Господа, – ответил он со вздохом. – Возможно, он знает, что делает. Хотя для интереса мог ограничить себя во всезнании, а то жить ему будет скучно.

– Рендомничает?

– А чё? Я бы так и сделал!

Я буркнул:

– Ты не Господь.

– Но по его подобию!

– Может, – предположил я, – он вообще не живёт.

– А как же...

– А так, просто существует. Бытие – это ещё не существование.

Он не ответил, замок начал приближаться быстрее, чем должен, я не такой уж и быстрый, для проверки остановился, здание по-прежнему неумолимо двигается навстречу.

Когда широкие выщербленные ступеньки оказались в трёх шагах, замерло, всё такое же солидное, монолитное, выстроенное с расчетом на вечность.

– Всё, – прошептал Южанин, – оставляю тебя... Держись, не давай бить себя по голове. Только по жопе...

Голос его истончился, исчез, я подумал с жалостью, что хороший и компанейский друг, но что с ним, почему заметно глупеет, хотя медицина гарантирует каждому идеальное здоровье и никогда не стареющий мозг?

Видимо, дело не только в самой структуре мозга. Хотя взамен отмирающих нейронов тут же вырастают новые, так что общее количество никогда не снижается, но все же сдаёт, хотя сам не замечает, как вообще-то не обращаем внимание и мы.

Да, он наверняка пройдёт любые тесты на память, перемножит в уме сорокозначные цифры, извлечёт корень и назовет все отличия бозона Хикса от двуппера Ядзинского, но всё же что-то и как-то не так.

А вдруг меняется не только он, но и мы все, счастливые люди в счастливейшем мире?

Я зябко передернул плечами. Такого быть не должно.

С нашим идеальным здоровьем и всегда работоспособным мозгом в худшем случае могли бы оставаться на прежнем уровне, но всё же вроде бы не остаёмся.

Тогда почему?

Казуальник не появился в дальнем дверном проеме или даже на ступеньках, а возник прямо передо мной, рослый и костистый, как огромный муравей в боевой стойке, с исполинским топором грубойковки в мощной длани.

Я нервно дернулся, в прошлый раз он был худым и со злым костлявым лицом, таким в операх изображают Мефистофеля, помню и толстенным гномом, но чтоб вот так подетски закосить под викинга?

– Ты чего? – спросил я с подозрением.

Он пояснил совсем не по-отшельнически бодро:

– Всегда любил оружие. Видать, предки были варягами? Эта штука просто чудо!..

– Ну да, – ответил я с сомнением, – ага, чудо.

Он добавил:

– И, как говорят диванные знатоки, идеально сбалансировано. Вон смотри!

Он повернулся к каменной стене, между гранитными плитами зеленоватый мох или лишайники, кто их разберет, молодцевато размахнулся и швырнул свой двухпудовый томагавк.

Воздух затрещал, как под крыльями взлетающего сокола. Топорище дважды крутнулось в полете, стена вздрогнула от

тяжёлого удара.

Острый клинок погрузился в камень на треть, рукоять гордо замерла под углом в сорок пять градусов.

– Тоже мне, философ, – сказал я с отвращением. – Что-то гавгамельничать стал.

– Гавгамельничать?

Я пояснил:

– Чую, скоро лупать скалу пойдёшь.

Он с широкой улыбкой, похожей на оскал Кощея Бессмертного, протянул мне топор.

– Попробуй! Ощути древний вкус радости викинга!..

– Это же индейцы швыряли, – напомнил я. – Тамагочи!

Он отмахнулся.

– Они бросали лёгонькие томагавки, а это настоящий боевой, можно проламывать стальные панцири. Такой даже викинги далеко не бросят, но мы покрупнее тех лохматых дикарей.

Я взял топор, взвесил в руке, от нас до стены не больше двадцати шагов. Расстояние не слишком, нужно закручивать рукоять сильнее, чтобы на два оборота, или же бросать на один, но тогда без нажима в момент выпуска рукояти из ладони.

– Ну! – сказал он подбадривающе.

Я прицелился, задержал дыхание и бросил быстро и резко. Топор пронёсся залопотал, распарывая воздух, сотрясательный удар в стену, замер рядом с топором Казуальника,

только рукоять задрана к потолку чуть выше.

– Классно? – спросил он живо.

Я сказал с сомнением:

– Ну на любителя...

Он сказал с ликованием:

– А я вот чую просто зверячий азарт!.. Адреналин из ушей!.. А всё так просто, да? Умели люди жить и радоваться.

Я промолчал, мой топор всажен в стену на половину клинка, бросал с силой, а рукоять задрана даже хвастливо, хотя вообще-то с моим счастьем топор должен был бы удариться либо обухом, либо вообще топорищем и упасть на покрытую каменными плитами землю.

– Красиво, – признался я, – я к тебе по важному поводу. Ты ещё помнишь, в каком обществе состоим?

Он ухмыльнулся.

– Всё ещё состоим?

– Всё ещё, – подтвердил я серьёзно, – уже завтра можем приступить. Поступил сигнал.

Он охнул, даже отступил на шаг.

– Серьёзно?

– Серьёзнее некуда, – ответил я и ощутил, что голос за долгое время прозвучал не торжественно, а почти пафосно. – Наконец-то!.. В общем, жду. До завтра!

Пространство послушно раздвинулось, я ступил в щель, успел увидеть краем глаза, что топоры в стене исчезли, а две глубокие трещины затянулись моментально.

Просто солипсизм какой-то, мелькнуло раздражённое. Скоро снова поверю, что всё за спиной исчезает, когда не смотрю, а появляется, как только поворачиваюсь.

В детстве, помню, даже старался поймать этот момент врасплох, резко оборачивался, но никогда не удавалось, и злился, представляя, как хохочут Те, Кто Сверху, наблюдая за такими наивными попытками.

Портал за спиной исчез, я ступил на твёрдую поверхность, ещё не зная, окажусь ли у себя в квартире или на улице перед домом, но вышел на площади Бутовского Центра, где по ту сторону моя берлога в двадцатичетырёхэтажном доме, а в ней мой сад на гектар и уютный домик, вокруг которого на сотни километров ни души.

Мелькнула мысль зайти к Коллекционеру, когда-то его квартира была нашим любимым местом собраний, просторная и уютная, но синтезаторы материи окончательно изменили не только мир, который и так стремительно двигался от привычного прошлого в непонятное будущее, но и всех нас.

Он всю жизнь собирал старинные редкости, пополняя унаследованную от отца коллекцию, а тот получил от деда, так что у него в руках оказалось уникальное собрание, подумывал открыть частный музей и зарабатывать на показе нехилые бабки, даже подыскал подходящее помещение, но развитие технологий не просто ускорилося, а ринулось как сумасшедшее. Ещё вчера все пользовались смартфонами, на другой день начали вставлять в ухо умную горошину, а ещё

через неделю физики с гордостью сообщили о начале появления на рынке атомарного синтезатора.

Он сперва не верил в такое кощунство, но оказалось, что синтезатор собирает любую вещь из таких же атомов, не различишь образец и копию.

Таким образом можно наштамповать тысячу редкостей, и все будут подлинниками!

Настолько коварного удара в спину он не перенёс, сперва запил, потом впал в чёрную депрессию, начал видеть розовых слонов и фиолетовых черепах, а затем с концами ушёл в виртуал.

Очень активным членом общества был Коваленко, одно время возглавлял Петербургское отделение фёдоровцев, потом ещё и союз защитников животных, но так увлекся их защитой, что переделал свое тело, и теперь появляется только в теле козла, чтобы окончательно утвердить равные с людьми права.

Когда впервые появился в таком виде, я сперва полагал, что просто цифровая аватара, но посмотрел другим зрением, у каждого оно есть, – этот дурак в самом деле себе перестроил!

А так очень хороший человек, всегда всем готов помочь, позаботиться, потому и любим, хотя его вскоре унесло в дебри полунауки, а то у нас всё слишком мирно и недвижимо, деятельность фёдоровцев вообще замерла на то время...

Нет, его вызывать уже не стоит, потерян.

Глава 4

Я застал время, когда в Москве было девятнадцать миллионов жителей, а сейчас с этой автономностью и виртуалом и одного не наберётся. Остальные в пригородах, а пригородом теперь стала вся планета.

Большие города практически опустели, целые районы как бы вымерли, но здания, что странно, не разрушаются, в них всегда есть свет, вода, газ и все удобства, заходи и живи, где хочешь.

Сейчас, когда энергия берётся вроде бы ниоткуда, всё работает само по себе, принтер выдает любую еду, только прикажи, можно со всеми удобствами устраиваться хоть на вершине Гималаев, вот и оказалось, что большинство жило в мегаполисах из необходимости.

Но мы, наша дружная группа, всё-таки держимся Москвы, пусть и не центра, но так, чтобы и до него рукой подать. Зачем, не знаем, просто привычка. В квартире чтобы метров побольше, а место к Красной площади поближе, это что-то пещерное, но пусть, мы горды блюдением или даже блюдством традиций.

И вообще держимся, у нас же цель, программа, о которой практически и сами забыли, но вот вдруг оказалось, что реализация, что всегда отодвигалась, вдруг сама сделала скачок нам навстречу.

На улице вечная весна, идеальная погода, солнышко и едва уловимое движение воздуха, что даже ветерком не назовешь. Прохожие встречаются редко, такие же традиционники, как и мы, кто-то даже одет с вызовом, типа под эпоху Пушкина или древнее викинговье, кто-то в хайтековском, и не разберешь, то ли в самом деле перестроил даже тело помимо одежды, то ли держит уровень визажности, а заглянуть глубже нехорошо, приличные люди так не делают.

Мимо пронесся, обдав запахом старинного самосада, на древнем велосипеде дедуган с развевающейся, как у деда Мазая, бородищей. Крутит педали с энтузиазмом, привстаёт, лихо и азартно приподнимаясь над седлом, Все мы, дожившие до эры регенерации, обычно выбирали себе облик двадцати-тридцатилетних, какими были в лучшие, как считается, годы. Лишь потом, когда оказались в толпе одинаковых молодых дураков, начали менять внешность. Большинство выбрали в интервале от сорока до шестидесяти, когда ещё и сила в норме, и смотришься не юнцом, а солидным и повидавшим жизнь.

Некоторые пошли дальше, как вот этот, видимо что-то с этим возрастом связано особенное. Или просто выпендривается, зависимость внешности от возраста теперь давно потеряна, как у жаб хвосты.

Исчезли все эти осточертевшие деятели шоу-бизнеса, певцы, танцоры, вообще артисты кино, всё это гораздо лучше делают виртуальные персонажи, даже на встречах раздают

автографы, с ними можно сфоткаться и даже пощупать, а при большем желании и повязаться.

Пока я медленно шел через площадь, дважды со мной поздоровались. Я отвечал вежливо и с доброжелательной улыбкой, оба раза приподнимал край воображаемой шляпы.

Когда в Москве осталось на район столько людей, сколько раньше жило в малоэтажном доме, вошло в обычай здороваться даже с незнакомыми, как раньше бывало только в глухих селах.

В сингуляры ушло не так уж много народу, остальные просто расселились по планете. Абсолютное большинство сейчас на берегах тёплых морей, другие возле реки или озера, где родились, но небольшая часть предпочли полнейшее одиночество в горах, пустыне или на северных островах.

Как-то получилось, что в сингуляры ушли те, с кем дружил, это Алиса Чумаченко, Мацанюк, Медведев, Батин, ещё ряд друзей, а также те, с кем знаком не был, но уважал за их работу: люди вроде Юрия Мильнера. Кононова, Турчина, а со мной в обществе фёдоровцев осталось большинство тех, кого в досингулярные времена совсем не знал.

Первоначальный кружок когда-то разросся в большое общество, в больших залах собирались энтузиасты с горящими глазами и до хрипоты доказывали друг другу, как это здорово – воскресить всех предков, как это благородно, мы же обязаны им жизнью, это наш долг, а правильные люди долги всегда возвращают, а мы правильные, мы молодцы, это дру-

гие погрязли в быту, а мы нет, мы выше.

Потом выросли, большинство всё же уходило в быт, но самые убеждённые и стойкие остались.

Хорошие чистые люди, общаться с ними приятно, но я तो ли сладкого переел, да не я один, но как-то общаемся всё реже и реже.

И вот сейчас впервые общий сбор. Впервые за все время после Великого Исхода за Предел, что разделил человечество на традиционников и ушедших в сингулярье.

О сингулярах стараемся не говорить, хотя иногда нет-нет да и прорывается. Больше всего их ненавидит Казуальник, дескать, предатели, забыли заветы предков, сперва чипировались по самое не могу, а потом и вообще онечеловечились, из-за чего ушли в космос, оставив родную матушку-Землю, что дала им жизнь и траву у дома!

В свое время технологический прогресс набрал такую скорость, что, как и предсказывали футурологи, люди перестали успевать за переменами. А те немногие, кто всё ещё понимал, срачивали себя с машинами, чтобы идти с прогрессом ноздря в ноздю, и вскоре исчезли из нашего мира.

Мы не любим вспоминать о них, это ущемляет, как ни хорохорься. Для нас главное, как часто говорим друг другу, что прогресс обеспечил всем необходимым, а всё остальное от лукавого.

ГИИ, глобальный интеллект, безотказно исполняет все наши прихоти, если те не вредят другим. Мы не видим и не

слышим, как что делается, но стоит только восхотеть и сказать, как тут же всё исполняется, будто в сказке о щуке из проруби или золотой рыбке из кувшина Али-Бабы.

Общество раздробилось, многие вообще живут в одиночестве где-то на отшибе, подальше от городов.

Впереди пара с виду молодых людей остановились, задрали головы. Я тоже взглянул вверх, высоко в голубом небе, которое принято называть безмятежном, медленно и величаво проплывает сказочно прекрасный город.

Помню, как однажды пытался добраться, но проскочил насквозь и с грустью убедился, что кто-то просто сотворил и запустил в небо прекраснейших из всех миражей.

Но есть слух, что город реален, только доступ для членов, как говорится, их клуба.

Хотя теперь жить со всеми удобствами можно везде, даже на дне моря, что многие, кстати, и сделали.

Только мы молодцы, держимся, у нас цель, программа. О которой практически забыли, но вот вдруг оказалось, что реализация ближе, чем думалось.

Я некоторое время думал, почему чистое голубое небо называется безмятежным, в голову лезут только картины старых художников, где изображен мятеж архангела Люцифера, там небо багрово-чёрное в клубах дыма и сверкающих молниях.

К дому, в котором моя квартира, примыкает скверик, роскошный, словно из сказок тысячи и одной ночи, пасут-

ся и прогуливаются олени, красивые, элегантные, большеглазые и такие милые, что даже не знаю.

Один совсем молоденький подбежал, изогнул длинную, чуть ли не лебединую шею, подставляя, чтобы почесал и погладил, взглянул такими большими доверчивыми глазами, что сердце защемило, восхотелось обнять, прижать, взять на руки, поцеловать мимишную мордочку.

Правда, прошел слух, что из них падает очень редкая и дорогая травяная роса, хороша для апгрейда и расширения, потому сразу же появились охотники.

Поголовье резко снизилось, респавнятся редко, потому правозащитники выступили с требованием запретить отстрел в черте города.

Я вообще-то согласен, лучше бы отстрелили гоблинов, что научились ходить сквозь стены даже защищённых квартир, а вот стрельба по беззащитным и таким доверчивым оленчикам и оленяшкам травмирует психику не только детей, хотя у нас их почти нет, но и каких-нибудь особо чувствительных взрослых.

Остаток вечера проигрывал варианты, как сообщу радостную новость, смаковал, какотреагируют, что скажут, что отвечу, и как возьмёмся, а мы не просто возьмёмся, а ухватимся!

Это же настоящая работа, а не имитация усердного труда, как вон у Гавгамела, что лупает сю скалу, а лет через сто или

тысячу перейдет к следующей.

Вспыхнул сигнал вызова, я мысленно дал добро, на большом экране появились крупное лицо Тартарина, в прошлом когда-то очень активного члена нашего общества, но потом он так резко и быстро ушёл в странные дебри, где глушатся все попытки связи.

Даже ко мне не может по-свойски, только через вызов и на плоском экране, что значит, уровень доступа почти нулевой.

Сейчас он, насколько знаю, как большой энтузиаст косплеев переигрывает разные варианты сражений, от времен каменного века до самых последних, когда длилось ожесточённое противостояние беспилотников и самоуправляемой артиллерии.

Особенно любит почему-то войны эллинов с персами, а также Столетнюю войну, у него целые регионы, где сражения не прекращаются ни на минуту, а он появляется как бог, в самые важные моменты, чтобы спасти, повернуть, задать другой вектор.

Несколько мгновений всматривался с экрана в меня, я молчал, давая ему возможность хотя бы поздороваться первым, наконец он проговорил:

– До меня дошли слухи... Это верно?

– Не знаю, – ответил я, – что до тебя и как что-то дошло.

Неужто передали приглашение?

Он отрезал недовольно:

– Меня никто не приглашал!.. Я что, исключён?..

– Да вроде б нет, – ответил я.

– А ты как председатель и не знаешь?

– Знаю, – ответил я. – Не исключен точно.

– Ваше общество за это время покинули чуть ли не все, кто в нем был!

– Ты сказал «ваше», – ответил я, – значит, сам не считаешь его своим.

Он сказал зло:

– Не придерывайся к словам простого человека, что имеет все права в разных позах! Я не появлялся, потому что одна говорильня, а дел не было.

Я обронил:

– Не было технологий. Теперь есть, начнём завтра. А ты как знаешь.

– Я в деле, – сказал он твердо. – В котором часу?

– Ровно в двенадцать.

Он поморщился.

– Почему так поздно? Южанин и Казуальник любят поспать?

– Не только они, – ответил я. – Многие... изменились. Но, надеюсь, поставим их на прежние рельсы.

– Поставим, – согласился он. – Ты кремень!.. Не представляю, как ты все эти годы жил, ожидая завтрашнего дня. Я бы не смог... да и не смог.

Я вздрогнул: из стены вывалился зеленокожий гоблин с красными перьями на голове, причёска ирокеза, доспехи из

блестящего металла скреплены ремнями на голом теле, в руках огромный топор викинга с отчетливым клеймом «Сделано в Китае».

– Умрите! – заорал диким голосом.

Тартарин поморщился.

– Сгинь, в марафоне не участвуем.

– Дикари, – заявил гоблин с отвращением и, прошлепав голыми ступнями наискось через кабинет, ударился в стену, продавился через неё и пропал из виду.

В комнате остался быстро рассеивающийся запах болотной тины, а на полу блестели, испаряясь в чистом воздухе, капли зеленоватой слизи.

Тартарин буркнул:

– Это от Ламмера?

– Ещё спит, – заметил я. – Разве что твинка отпустил погулять.

Он сказал с отвращением:

– Много им свободы дали!... Нам ограничивают, а им дают!...

– Закон сохранения энергии, – ответил я философски. – Вообще-то я рад, что ты ещё с нами. Увидимся!

Кондишен едва слышно и успокаивающе зашумел, едва я переступил порог спальни, донеслись мягкие звуки то ли музыки, то ли псигоники, якобы навевают хороший здоровый сон. Воздух стал прохладнее, дескать, спится лучше всего при температуре в семнадцать с половиной по Цельсию, а в

моем индивидуальном случае в шестнадцать.

Все продумано, но уже устарело. Ещё до наступления Сингулярности медицина взяла рубеж индивидуального бессмертия для каждого человека, а это значит, сон всегда будет хорошим, если кто восхочет его придерживаться, а вообще-то можно и без него, на самочувствии или вечной жизни никак не сказывается.

Без всякой охоты лег в постель, человеку ночью положено спать, мы традиционники, хотя, конечно, не семь-восемь часов, а три, сон теперь занятие чисто ритуальное, никак не острая необходимость.

Уже закрывая глаза, вспомнил гоблина. Пора бы усилить защиту личного пространства. Вообще-то в современном обществе такое старинное понятие исчезло, Большой Брат видит и слышит всё, с этим смирились, но есть запреты для простого людья, которые мы сами придумали, а он просто утвердил.

Если вмешательство Большого Брата незримо, то его как бы и нет, а вот такое непотребство, как этот вломившийся гоблин, надо тащить и не пущать. Кто-то из знакомых или дальних френдов, наивно полагающий, что если ему нравятся такие шуточки, то остальные вообще будут в восторге.

Меня ещё в ранней молодости раздражало обилие так называемых приколов в интернете, когда дебилы собирают ролики, как люди поскальзываются и падают, и эти записи выставляют на видное место как самое смешное на свете.

У дураков энергии столько, что заменили бы пару термоядерных станций, но им тоже почему-то позволено самовыражаться, вот и рассылают свои аватары по знакомым, как раньше рассылали по социальным сетям глупейшие ролики и слащаво-приторные поздравительные открытки с гороскопами.

Раньше дураков как-то сдерживали, хотя и с трудом, сейчас свобода и демократия, попробуй ограничь или прижми, сразу вой либералов о засилье, деспотизме и сатрапизме, либеральство заразнее старого доброго гриппа, но куда противнее.

Тихо и без командной строки медленно погрузился в сон, понежился в сладких грезах, а утром красивым прыжком слетел с постели, помахал руками, с удовольствием чувствуя полное сил молодое тело и быстро бегущую по жилам горячую кровь.

Глава 5

Охнул, бросив беглый взгляд в окно. По ту сторону сквера медленно поднимается прямо из земли к небу сверкающее, как Версаль, великолепное здание. Высокое, наверняка просторное, украшенное шпилями и башенками. Недостает только надписи «Институт Всемирных Воскрешений», как назвал его Маяковский, хотя и без того ясно, зачем возникло и для чего предназначено.

За три часа для сингуляров создать такое – что мне пальцами шевельнуть, хотя это даже не сингуляров дело, вряд ли снизойдут до такой мелочи, это ГИИ, присматривающий за оставшимися за Земле человеками.

– Теперь не отвертимся, – пробормотал я вслух, – всё готово. А мы?

Некоторое время стоял столбом и пожирал взглядом дворец, как внезапно в сумбурные мысли ворвался бодрый голос Гавгамела:

– Уже увидел?..

– Если даже ты узрел, – буркнул я, – из своего прекрасного и страшного далеко...

Он сказал веско:

– Твое желание услышано – и р-р-раз! Только ты какая-то дурная штука. Мог бы щукануть и получше. Золотая рыбка сделала бы изящнее. Или Али-баба, тот бы вообще натадж-

махилил...

Я поинтересовался ревниво:

– В каком смысле?

– Слишком много патетики, – пояснил он. – Мы ж деловые люди, а не говно какое-то, хоть и говно, если честно, но никому не признаемся. Зато теперь разыграем, поработаем!..

– Ты и так работаешь, – сказал я, – скалу лупаешь, косплеист хренов.

– То не косплей, – возразил он, – хоть и косплей, но сейчас то, в ожидании чего жили и... что, и у меня патетика? Видно, само дело такое патетическое. Но создавали кружок для чего?

В наш разговор вклинился далекий голос Казуальника, а через секунду он и сам возник посреди комнаты, весь в блёстках, словно клоун Дуров, в шляпе с цветными камешками по тулье.

Я присмотрелся – выглядит реальным, хотя с чего бы, явно сейчас в постели или с женщинами в бассейне, консерватор, традиции блюдёт, для выхода в реал готовится особо, с утра светлый костюм, после шести вечера только чёрный, а то подумают всякое, мужчина только тогда мужчина, а не просто демократ, когда за собой блюдет.

Он прошёлся по комнате, весь презрительный, как Терсит, красиво развернулся на каблуках и пояснил авторитетно:

– Создавали для своих членов, забыли? Гусары, молчать!..

Мы жаждали быть нужными и чем-то занятыми в тупом и разлагающемся в удовольствиях обществе. Мы ж не они, верно?

Последи комнаты прозвучал гулкий голос Гавгамела:

– А щас мы в каком?

Казуальник даже по сторонам глазом не повел, неважно, где та мускулисто-пузатая мелочь, пусть слушает на удаленке:

– А дело благородное, как раз оно живо для нас, дурных, но хороших, если копнуть до спинного мозга, он у нас за главного.

– За главного у нас не мозг, – уточнил Гавгамел уже с высоты, словно восседает на облаке, – а *sógrus pénis*. Мы же люди, что значит животные, ничего не теряем из наследства, а только развиваем, утолщаем и утолщиваем. А насчёт воскрешения давайте щас соберемся вживую и обсудим детали, в которых, как известно дьявол, а то и что-то похуже, типа вихря бозонов и айгенов. Как именно воскресим?

Казуальник сказал бодро:

– Как?.. Скажем вслух: «Воскресить такого-то!» Что, не получится? А для чего тогда царя свергали, научно-технический прогресс поставили выше таких необходимых обществу половых запросов?

Незримый Гавгамел так вздохнул в пространстве, что я ощутил, как прошла гравитационная волна и чуть колыхнула массивную мебель в комнате.

– Раньше все казалось просто, – сообщил он нам потрясающую новость. – А сейчас уже не так, а как-то вот иначе. Может быть, потому, что половые запросы нами не правят?.. Шеф, ты чего молчишь? Или тобой правят?

Я всё ещё не отрывал взгляда от величественного здания, шпили охватило пламенем восходящего солнца, те так ярко и мощно заиграли на фоне чистого неба благородным золотом, что сердце дрогнуло от причастности к прекрасному.

– А вдруг, – ответил я, не поворачиваясь, – мы уже взрослые?.. А ты там чего прячешься? Совестно стало? А как же «Долой стыд»?

Он что-то проворчал за тысячи миль, но тут же вышел из стены, громадный, как титан, что боролся с эллинскими богами, за ночь добавил мышц, подвыпуклил жилы и вены, а шею раздвинул настолько, что стала шире головы.

– То был не я! – сказал он грохочущим голосом, – Я всегда за стыд. Это же так здорово, когда все стыдливые, а я нет.

Казуальник с великим отвращением оглядел его с головы до ног.

– Ну ты даёшь... Откуда столько комплексов незрелого инфантила?.. Я тоже был хилым и слабым, ну и что? Как говорят тут некоторые, то был не я. Я за тех придурков не отвечаю.

– Я не чурка безродная, – ответил Гавгамел с достоинством. – У меня родство даже с предками, не только с собой, дураком двадцатилетним!.. Потому я настоящий фёдоровец!

– И денисовец, – поддакнул Казуальник. – Даже с неандертальцами в родстве. А сейчас ты как бы ещё и умный?

Гавгамел пророкотал красиво и мощно, сам любуюсь диапазоном своего голоса:

– Пошел ты, олень ни разу не грамотный... Шеф, пока все просыпаются, ты как насчет закусить и выпить? Вон к Южанину даже аватарой заглянешь, сразу стол накрывает!

Я проворчал:

– Он уже забыл, что кроме еды на свете есть ещё что-то. Ну которое и не снилось Горацию Коклесу.

Казуальник подошел и встал со мной рядом, всмотрелся в величественное здание на той стороне площади.

– Слава богу, – произнес он с некоторым пафосом, – во-время нам напомнили про завещание Фёдорова!.. И что у нас большой и неоплатный долг. А то мы уже совсем оборзели. Теперь и радостно, и... тревожно.

Гавгамел сказал с тяжёлым, как его молот, сарказмом:

– Да что тебе не так?.. Что тревожно? Танцуй и пой!

– Чую, – сказал Казуальник мрачно.

Гавгамел с неодобрением покосился на его костистый, как у древней гарпии, череп.

– Тоже мне чуйствователь! – сказал он с презрением в голосе. – Всё просто!.. Весь мир насилья мы разрушим!.. Отнять и поделить!.. Тащить и не пущать!.. Чего тебе ещё надобно, старче?

Я промолчал, Гавгамел слишком утрирует, чувствуется,

что и сам в ловушке, из которой давно не видит выхода, разве что воскрешение предков что-то изменит, чем-то наполнит нашу чересчур счастливую и слишком уж беззаботную жизнь.

Казуальник проворчал:

– Сам ты старче. Я, кстати о крокодилах, на три месяца тебя мудрее, хоть и косишь под седовласого Илмаринена. Согласен, сингуляры устроили всё так, что нам достаточно повелеть, и это всё появляется. Скажем: «Воскресить Наполеона!», и вот он перед наши ясны очи, хоть у тебя всегда мутные, как у пьяного осьминога.

Гавгамел прервал с тяжёлым подозрением:

– Тогда в чем проблема?

Казуальник ответил с нажимом старой цитатой:

– И говорила шепотом: «А что потом, а что потом?». Куда мы его после такого триумфального возвращения с острова святого Харона?

– Главное, – напомнил Гавгамел древнюю истину, – ввязаться в драку! А там будет видно.

На минуту стало тихо, слышно как за тысячу километров Явтух скребёт всей пятерней в затылке, унаследованная привычка от холмогорских крестьян, Новак сопит и что-то бурчит под нос, но и сам не знает что, иначе бы система трансляции воплотила в ясные и четкие слова.

Наконец с той стороны планеты донесся гулкий, словно из дупла столетнего дуба, голос Тартарина:

– Соберемся вживую прямо в этом Институте Воскрешений. Или как его назвал Маяковский?

– Институт Всемирных Воскрешений, – подсказал Гавгамел.

– Во-во, звучит! – ответил Казуальник. – Что значит величайший поэт вселенной, как определил Иосиф Виссарионович. Трибун!

Гавгамел уточнил:

– Разве трибун не Горький?

– И Горький трибун, – подтвердил Казуальник уверенно. – Хотя Горький буревестник-трибун, а Маяковский... просто трибун, зато с прописной! Через час соберёмся, хорошо?

– Через полтора, – предложил Гавгамел и пояснил: – Кое-какие дела доделаю...

Казуальник фыркнул, какие могут быть дела с приходом бессмертия в наш мир? Живём и не знаем, чем заняться, да и не хотим. Бездельничать так прекрасно, разве не о такой жизни мечтали лучшие умы человечества?

Я уже раскрыл рот, чтобы продублировать мыслесвязь, дескать, хорошо, через час, но в наши вялые мысли ворвался возмущённый голос Южанина:

– Вы чего, обалдели?.. Вот так сразу?.. Нет уж, давайте, как взрослые люди. Ровно в это же время, но завтра!.. Завтра – это не с бухты-барахты. Завтра – это солидно. За ночь что-то придумается ещё! Такое обдумать надобно!

Неожиданно услышали далекий и очень задумчивый го-

лос Ламмера:

– Он прав, лучше завтра. Ночью приходят очищенные от суеты мысли... Мне раньше только бабы снились, а теперь всё о духовности, Отечестве, благе простого народа...

Я сказал с неохотой:

– Хорошо, завтра. Но чтоб всё вживую! Без всяких там аватарей и глюкощупов!

Связь отрубилась моментально со всеми, исчезли даже Гавгамел и Казуальник, Комната без их голосов показалась особенно пустой, хоть и не пустая, но визуально пустая, не люблю лишнего, особенно в эру доступности всего и сразу.

Сзади неслышно, но для моего объёмного зрения зримо подкатил стул, я опустил на сидение, что сразу подстроилось под мои ягодицы.

Поговорили, называется. Что-то в самом деле вкось и вроде бы даже на спуск с нехорошим ускорением. Не таким представлялся в далёком прошлом веке этот волнительный момент. А сейчас растёт странное ощущение, что все только и стараются, как бы отложить сам процесс воскрешения.

Почему? Все-таки так ждали, так ждали. А когда пришло, почему-то подрастерялись, будто всё как снег на голову с высокой крыши. Хотя, с другой стороны, конечно, неожиданно. Как всё в нашем ускоряющемся мире.

А я? Почему не настаиваю, чтобы сейчас и немедленно? И почему вообще больше молчу, хотя раньше всегда влезал в любой спор?

Глава 6

В эту ночь не спал, даже не делал попыток. В жопу эти традиции спунства, какого хрена должен вычеркивать из жизни драгоценнейшие часы, если могу не делать?

И что, если впереди вечность?.. Раз времени хоть жопой ешь, то вроде бы куда торопиться, все равно успеешь. Хотя и раньше не торопились. Помню, как собирались компашками, чтобы побалдеть, убить время...

Кровать, уловив моё желание взглянуть в окно, моментально вместе со мной подъехала к стене и даже чуть приподнялась на ножках, чтобы мне лишь повернуть голову.

Из окна вид на весь мир, но я требовательно вперил взгляд в действительно величественное здание Воскрешений.

Под косыми лучами утреннего солнца смотрится строго и величественно, как исполинский бриллиант в дорогой оправе короны императора. И работать в таком здании должны люди, преисполненные долга и нравственности, строгие и непреклонные, предельно отданные и вообще настоящие, какими, полагаю, мы всё-таки были в период юности, когда сердца для чести живы.

Да и сейчас живы. Просто мы первое поколение, достигшее бессмертия. Ещё то ли не можем поверить, то ли опомниться, то ли ещё что-то новое вклинилось, чего ещё не рассмотрели, но уже ощутили.

Бессмертные, наверное, не что-то застывшее в вечности, а тоже в немалой степени, как теперь начинаем понимать, пластичное.

Пока рассматривал здание, услышал, как далеко-далеко проснулся Южанин, этот любит поспать, единственный, кто ухитряется спать не ради традиции, а в самом деле получает удовольствие. Следом проснулись Казуальник и Гавгамел, Ламмер и Явтух не спят, ещё в те давние времена жаловались, что треть жизни теряется на сон, сейчас вот можно не экономиться, жизнь бесконечная, однако же всё равно глупо, по их мнению, впадать в это ненужное оцепенение, если организм всё равно всё чистит, моет и убирает, тут же заменяя каждую повреждённую молекулу чистенькой и новенькой.

– Гавгамел, – сказал я шёпотом, – если не спишь...

– Не сплю, – ответил он тотчас же в глубине моего мозга, но сразу же голос выкатился на просторы комнаты и зазвучал мощно, как орган в старинном храме. – Че хочешь?

– Явлинский, – ответил я. – Помнишь Бориса?... Очень уж был хорош...

Он помолчал, то ли вспоминая, то ли пытаюсь связаться. Я ждал, Явлинский на связь давно не выходит, что вообще дико, мы все связаны как через облако, так и вообще, каждый другого может чувствовать, хотя все мы эту способность на всякий случай блокируем.

– Не чувствую, – ответил он медленно, – как бы чего с ним не случилось.

Я промолчал, в нашем благополучнейшем мире случиться ничего не может, ИИ блюдет наши интересы и следит за здоровьем, а Гавгамел добавил с некоторым беспокойством:

– Загляну к нему.

– Только молот оставь, – посоветовал я. – Он интеллигент, может не понять твои высокие запросы.

– А ты загляни к Карасю, – посоветовал он. – Все связи оборвал, гад!.. А раньше каким был активным!

– Помню, – ответил я. – Ты давно его видел?

Он покачал головой, чувствую по движению пространства в его комнате.

– С тех пор вообще не зрел. Как умерла его Одарка, он очень даже отдалился. Если у тебя осталась связь...

– Сейчас проверю, – пробормотал я. – Да, как ни странно... Может, потому, что ни разу не пользовался?

Он буркнул:

– Всё может. Не упusti возможность. Он всё-таки умище!.. Единственный из нас доктор наук!.. И автор каких-то работ на заумные темы проблем математический комбинаторики покера.

Я смотрел, как он делает портал, нечто старинное, похожее на вход в адскую печь, пламя не просто пламя, а ещё и злобно гудит и взрывает, как под порывами ветра.

– Давай, – сказал он. – Долго держать не могу, отвык...

Я торопливо шагнул в огонь, огонь настоящий, здорово ожёг лицо и, наверное, спалил брови, что тут же отросли, а я

вышел из стены огромного роскошного зала в мир мраморных колонн, статуй атлантов и нимф вдоль стен.

Да, всё в мраморе, потолок в барельефах из летающих упитанных ангелочков с толстыми жопами и крохотными воробышными крылышками.

Зал в самом деле великоват, когда-то нам остро не доставало жилплощади, потом, когда всё стало можно, многие так и не сумели избавиться от этой зависимости, их квартиры напоминают дворцы Версаля, где легко можно заблудиться.

Этот зал тоже с ангар для самолёта, на той стороне с десятков столов с яствами и пирующих за ними женщин, все что-то вроде гурий или нимф, но есть и дебелые рубенсовки с широкими бёдрами, толстожопые и массивные, эти возлежат на роскошных ложах и лопают виноград, а тонконогие нефертитки с весёлым щебетом снуют между столами, хочут и бросаются виноградинками.

В зал вбежал человек в костюме десантника времен Третьей Мировой, в руках короткоствольный крупнокалиберный пулемёт, присел на корточки и с наслаждением нажал на спусковую скобу.

Его затрясло так, что едва удержался на ногах, я с отвращением смотрел, как он палит из автомата по этим нежным и сочным созданиям, широко шагнул в его сторону.

– Как ты можешь?

Карась оглянулся, охнул:

– Сиявуш?... А ты откуда?

– Ты же оставил контакт, – напомнил я. – Рад тебя видеть. Что-то хобби у тебе какое-то слишком интеллектуальное... Тебе что, монстров мало?

Он ответил с кривой улыбкой:

– А женщины и есть самые что ни есть они самые!.. Монструозные монстры.

– Ну не совсем уж, – возразил я. – Во всяком случае, не все. Нужно в них видеть иногда и хорошее!

– Будь у Клеопатры другая форма носа, – пояснил он, – мы жили бы в другом мире!.. А ещё мою любимую Трою осадили и разграбили из-за Елены, чтоб её подняло да гэпнуло! Зря Фауст с нею связался... Хорошо хоть, Эней из Трои тогда спасся, он же парубок моторный и хлопец хоч куды козак...

Я сказал с досадой:

– Кончай оправдывать свои бесчинства. Как ни крути, а женщин убиваешь красивых и с вон какими сиськами! Что-то в этом сдвинутое. Чем они тебе так досадили?

– А тебе нет? – спросил он. – Ты просто терпел эти феминизмы, как же иначе, а я вот революционер, корсар, вьётся по ветру Весёлый Роджер, я не терплю!.. Хорошо, что размножаться теперь можно и без самок!.. А им без нас.

– И много ты наразмножался?

– А зачем?.. Чтоб было кому наследство оставить? Нет уж, теперь всё моё – моё!

Я покрутил головой, интеллигент же вроде, я помнил его заботливым и чутким, не склонным к насилию, а тут то ли

выход тёмной стороны натуры, то ли мстит всем женщинам за какие-то обиды, или что живут, а его Одарка нет, но это к психиатру, а я председатель общества Фёдорова, пусть хоть всех поубивает в своем мире, мне нужно, чтобы сами фёдоровцы не прыгали в кусты от благородного дела воскрешательства.

– Понял, – ответил он покорно. – Говоришь, началось?.. Это же здорово! Я буду.

– Точно? – спросил я.

– Клянусь, – ответил он и посмотрел честными глазами.

Я преодолел соблазн пройти через стену или сразу терепортнуться во Дворец Воскрешений, человек должен хоть малость трудиться, Гавгамел раньше всех и острее всех ощутил, лупает скалы, совсем одурел, а я степенно поднялся с постели, растопырил руки, чтобы одежда налипла без морщин и складок, пошёл к выходу из спальни.

Удобные башмаки появились на втором шаге, не люблю нагибаться и зашнуровывать, хотя пуза нет, ничто не мешает, но когда можно без, все мы выбираем варианты полегче, хотя и вроде бы понимаем необходимости хоть какого-то труда.

На выходе из дома ступеньки попытались понести меня на площадь, но я одёрнул, сам сбежал весело и бодро, солнцу и ветру навстречу, расправив упрямую грудь, жизнь хороша, и жить хорошо...

Массивные ворота Дворца, углядев мое приближение и рассчитав скорость, раздвинулись медленно и торжественно, как и подобает для такого почти собора.

Распахнулся простор величественного холла, по-старинному помпезного и со статуями в нишах. Я скользнул по ним взглядом, сразу узнавая великих деятелей, внесших вклад в науку. Расширенная память хранит всех-всех, но количество мест в стене ограничено, мысленно сотворил ещё пару ниш и добавил двух из эпохи Аменхотепа, все полагаем, что иерархия составлена не совсем верно, каждый из нас перетасовал бы по-своему.

За холлом главный зал, такой торжественный, несколько рядов кресел, таких роскошных, что все тысячу мест должны занимать не меньше, чем короли эпохи Возрождения, а на сцене, где стол под красной скатертью и двенадцать стульев, – там вообще должны восседать не знаю кто, архангелы, не меньше.

И вообще зал собрания в такой готовности, что вот-вот распахнутся двери, войдут во фраках и смокингах за неимением королей лауреаты нобелевок и тузы промышленности, заполнят все ряды, а поместится здесь точно тысяча человек, а то и больше.

– Прекрасно, – пробормотал я, – даже стол для президиума с пурпурной скатертью!.. Или кумачовой?

За тысячу миль отсюда с постели вскочил Казуальник, взъерошенный, в самом деле спал, растопырил руки, поз-

воляя одежде красиво укрыть его атлетическую фигуру, посмотрел в зеркало, фыркнул, одежда тут же преобразилась из спортивной в подчёркнуто торжественную, словно для приёма у королевы, где ему пожалуют титул рыцаря.

– Чё, – спросил он, – в самом деле?..

– Увидишь, – буркнул я. – Не спи на ходу.

– Все любим традиции, – заявил он знающе, – даже гордимся незыблемостью и непоколебимостью! Мы – настоящие.

– Поторопись, – сказал я. – Кто придёт раньше – того и тапки.

– За стол? – уточнил он.

– Остальных в общий зал, – пояснил я. – Ну разве что Южанина к нам, а то ни в одно кресло не поместится, а ужиться не восхочет, он Достоевского недолюбливает.

Я ждал первым Казуальника и Гавгамела, но в зале первым появился Явтух, бодрый и весёлый, пошёл между рядами почти танцующей походкой уличного канатоходца, запел красивым баритоном:

– Закурим перед стартом, до старта осталось четырнадцать минут... Это что же за дворец унутри? Тютюн, неужели и ты решил пожить как магараджа?

Я некстати подумал, что в те совсем не такие уж и давние времена нещадно не просто курили, а дымили как паровозы все, как мужчины и женщины, даже дети тайком от родителей, да что там дети, вон космонавты, которым как никому

бы беречь лёгкие, и то даже перед стартом, надо же...

Потом как обрезало, стали жозничать, каждую морковку взвешивать на весах из опасения лишних калорий, бросили курить, перестали бросаться под танки, закрывать собой амбразуры, идти на таран, гордо и красиво отвечать на предложение сдаться: «Нам жизнь не дорогá, а вражеской милостью мы гнушаемся!», или «Гвардия не сдаётся!»

Всё это промелькнуло в доли секунды, я усилием воли приглушил режим турбо, договорились же не пользоваться, сказал наигранно весело:

– Явтух, я тебя сто лет не видел!

Он проворчал:

– Ну да, сто лет. Два месяца тому, а при вечности впереди это меньше секунды, потому и не спешим... Что случилось, почему такое экстренное? И дворец такой зачем вдруг?

Я кивнул на стулья вокруг стола с красной скатертью.

– Садись, остальные уже в пути, сейчас будут.

Он покосился на стол.

– Это же для президиума?

– Кто пришел первым, – пояснил я, – те и президиум. Здесь двенадцать стульев! Остальные в общий зал. Для рядовых.

Он ухмыльнулся, пошёл к столу, убыстряя шаг. Если из рядовых в руководство можно перебраться таким простым способом, нужно пользоваться.

– А чего, – спросил он, не оборачиваясь, – Каратоз ис-

чез?.. Никаких следов!..

– Так он же связь отрубил, – напомнил я.

– Да не связь, – уточнил он, – его вообще нет. Я везде проверил. Так только в сингуляры уходят.

Сердце моё сжалось, я помолчал, предчувствие недоброе, да и зависть шелохнулась, сам чувствую, что помрачнел даже с виду, но Явтух смотрит с ожиданием, я с трудом выдавил:

– Да кто знает. Он мог. В последнее время вообще помалкивал, больше слушал. А то и не слушал, а так, просто сидел, как Ермак на диком берегу Иртыша.

– Я тоже заметил, – ответил он нехотя. – И никогда не спорил.

– А что с нами спорить? – сказал я. – Мы ж все, как облувленные!.. И знаем, кто что скажет, что ответит, как среагирует. Сколько лет, уже притерлись, всё обо всех знаем.

Он сказал примирительно:

– Зато уютненько. Зачем неожиданности? Неожиданностей хватит. Предсказуемый мир, как и мечтали великие люди прошлого. Мы, во всяком случае, точно.

Я промолчал, о предсказуемости говорилось в другом контексте, как и о прозрачности, но он прав, каждый уже утвердился в своем мнении, и со своей точки зрения стащишь разве что трактором.

– Так что Каратоз мог, – проговорил он словно для самого себя, – а жаль, умный хлопец. И рассудительный, без всяких там. Хоть и молчаливый.

Я сказал со вздохом:

– А что нам с его рассудительности? Так и до сингулярности можно дорассуждаться. У нас же какая цель? Просто жить и радоваться, пока не придёт время воскрешать предков!.. А тогда только поднимем жопы с диванов и поработаем.

Глава 7

Вспыхнул приятный розовый свет, девчачий, как его называли в детстве, расширился, из проёма вышел Ламмер, привычно вальяжный и манерный, пахнуло дорогими духами, такими мощными, чтобы и мы, грубые люди, ощутили и оценили его изысканность и хаевский, а то и хаевый, если не сказать крепче, вкус.

Улыбнулся весьма мило, пошёл к нам настолько весь из себя доброжелательность и любовь к миру, что явно держит в подвалах замка мятежников и пытается их со всем сладострастием, как может только утонченная и возвышенная натура.

– И чего это кистеперые, – сказал он доброжелательно, хотя и с укором, – полезли на сушу?.. Жили бы и радовались!

Явтух покосился с подозрением, Ламмер привычно язвит и подкалывает, но как-то уж слишком горько получается, будто и он перестаёт радоваться привольной жизни, которой не будет конца и края.

Я спросил:

– Слышал о Каратозе?

Ламмер сказал бархатным голосом:

– Да, мог бы и попрощаться. А то взял и. Свинья в сафьяновых сапожках!

Явтух буркнул:

– Чтоб мы отговаривали? Тоже знает нас, уже облуспен-

НЫХ.

– Фу, – сказал Ламмер.

– Да я не в том смысле облупленных, – сказал Явтух обиженно, – что ты всё о секесе?.. Я имею в виду круто сваренные яйца!.. Куриные!..

– Чревоугодник, – сказал Ламмер с отвращением. – Ещё раз фу на тебя.

Явтух сказал обиженно:

– Чего фу?.. Я морально устойчив и не замечен!.. Стойкий не тот, кто не пьёт, а кто весьма даже и бросил!.. Я вот попробовал это всё... ну да, даже и то, на что вон Сиявуш гадко намёкивает, посмотрите на его мерзкую рожу, ну вылитый либерал, но я как некобелемый реднек вернулся к исконно-посконным устоям демократического домостроя!.. А это что-то да значит для моего психологического креатива.

– Да, – подтвердил Ламмер и постучал костяшками интеллигентных пальцев по толсто-дубовой столешнице, что исчезла так же быстро, как и появилась. – Ты этот... устойчивый. Краеугол!.. Шеф, у нас хорошие новости?.. Рад, а то как-то не совсем у нас фортепианно.

– Хреново, – поправил грубый Явтух. – И где наши идеалы?

Ламмер картинно вскинул красиво обрисованные под Чайльд-Гарольда брови.

– В благополучном обществе, – уточнил он бархатным голосом, – какие могут быть идеалы? Они потребны в ярост-

ной борьбе, а у нас всё хорошо, всё хорошо... Даже дворец, надо же! Но шеф не вещист, так что нас ждет что-то особенное...

Со стороны входа раздался грохот, мощно распахнулись двери, словно ударили тараном, что сбивает все запоры.

В зал плечом к плечу вошли Казуальник и Гавгамел. Казуальник весь из себя молодой красавец, атлет, выпуклая грудь и вздутые бицепсы, белоснежная улыбка на весь рот, неизжитый комплекс тех лет, когда все мы качались, стараясь восполнить недостающую мускулатуру хилых интеллигентов, а Гавгамел ещё круче, Геракл удавится от зависти.

Правда, теперь допустил седину на висках и посеребрил прядь над лбом, красиво, уступка как бы мудрости, что связывается с возрастом, но всё же бицепсов многовато. Даже там, где вообще-то у людей не растут, но не зря же человечество справилось со всеми болезнями в том числе и потому, что умеем перестраивать свои организмы как изволится!

– Привет, – сказал Гавгамел мощным голосом трибуна, повелевающего армиями, – что, можно за стол?

– Можно, – разрешил я. – По праву феодальной раздробленности.

Он красиво и мощно сел, царственно кивнул в сторону пустого зала.

– А что так?

– Время, – ответил я.

Он нахмурился, когда-то наше общество насчитывало

сотни только активных членов, а вообще числилось больше пятидесяти тысяч человек. Участвовали в дискуссиях по видеоконфам, встречались вживую на местах, писали статьи и обширные комментарии к ним, помогали чем могли и всячески распространяли благородную идею воскрешения наших предков, но вот пришло это время, а где наш огонь?

– Ещё подойдут, – заверил Казуальник бодро, – а вон, легки на помине...

В зал вошел Новак, с ним ещё четверо, что обычно посещают все собрания, но помалкивают, только внимательно слушают, потом ещё двое, этих видел последний раз до Перехода, время летит...

– Время летит, – произнес Гавгамел гулко, словно прочёл мои мысли, – но что-то остальные не спешат.

– Подойдут, – заверил Явтух. – Теперь никто никуда не спешит. Время остановилось, и все в нём как мухи в янтаре. Это мы всё ещё барахтаемся.

Я с тоской окинул взглядом стол с красной скатертью. Двенадцать стульев только для президиума. Но одно всё ещё свободно.

Нет многих активных членов общества, исчез старый друг Котельников, перебрался на южные острова, нет Антошенко, был неразлучен в студенческую пору, но потерял интерес к нашему общему делу, ещё трое-четверо из старой группы как-то затерялись в этом мире, хоть мы здесь отстранились от всех новшеств, но кому-то и этого чересчур, ушли с го-

ловой в виртуальный, в котором всё так, как было в эпоху нашей молодости.

Гавгамел посмотрел на меня с сочувствием, мысли мои прочесть нельзя, у меня блок, но смотрюсь достаточно выразительно, внимательному человеку много не надо, а он, несмотря на мощную мускулатуру, всё тот же хлипкий чувствительный интеллект.

– Мы костяк, – напомнил он сочувствующе, – скелет!.. Мясо может сползти, арматура остаётся. Мы не поддадимся!

– Конечно, – согласился я. – Человек не животное, у него есть цели и правила.

– Точно, – подтвердил он. – Цели есть!.. А что, правда есть?.. А что тогда бесцельное существование?

Я ответил сердито:

– У нас не бесцельное!.. Сейчас подойдут остальные, увидишь.

Он хмыкнул.

– Подойдут ли?

Парадные двери распахнулись, въехал роскошный диван, на ней в позе отдыхающего патриция Южанин, даже с кубком вина в одной руке и кистью винограда в другой.

Но, уловив укор в наших взглядах, бодро соскочил с дивана, тот моментально исчез, а Южанин пошёл широкими шлёпающими шагами к нам, вместо ступней широкие лапы, явно только что из бассейна, а по рассеянности благородного человека вернуть всё в зад забыл.

Гавгамел сказал сурово:

– Видишь, для тебя последнее место держим!.. Всех отгоняем!

Южанин оглянулся на пустой зал.

– Думал, вы их вообще перебили. Спасибо, ребята, тронут.

Он потер ладони одна о другую, мощно зачмокало, посмотрел на меня в подчёркнутом недоумении.

– Шеф!.. Сколько лет не собирались!.. А где шашлыки?

Я не успел ответить, Казуальник сказал бодро:

– Будут!.. Шеф, а в самом деле, мы же так долго не виделись... С общего позволения, возьмусь?

Я отмахнулся:

– Давай, обжора. Куда в тебя столько влазит? У Южанина хоть видно.

Он повернулся к столу, напрягся, даже лоб наморщил. В последнее время даже у меня мысли не всегда удается сосредоточить так, чтобы желаемое появлялось именно в виде, какое изволю, это у Казуальника мысленные команды всегда четкие и ясные, чем и бахвалится.

На столешнице начали появляться широкие блюда из тончайшего венецианского фарфора, теперь синтезировать можно всё, вещи потеряли цену, что многих вогнало в тягостную тоску и сделало жизнь бесцельной.

На широких тарелках почти без паузы возникли одно за другим блюда, по большей части из жареных птиц, мясные

рулеты, редкие виды рыб. Все добротно и без выпендренов, мы консерваторы, никаких штучек насчет лягушачьих лапок в соусе японской змеи хата-юмга.

Наконец он с облегчением вздохнул, на лбу мелкие бисеринки пота, повернулся к нам.

– Feci, – произнёс он чуть хрипловатым голосом, – quod potui faciant meliora potentes.

Я сказал быстро:

– Ты лучший!..

Гавгамел рядом хрюкнул, но смолчал, только в его взгляде я прочел иронию. Дескать, когда-то Казуальник был лучшим в своей работе, а сейчас всего лишь стол накрыл – и то в спотел, будто двойную спираль Лоренса-Гардера перекроил.

Толстая рожа Южанина расплылась в широчайшей улыбке. Ароматы зажаренного гуся ему самомушибанули в ноздри с такой мощью, что едва не закашлялся, но удержался, вдохнул глубже и сказал с чувством:

– Хорошо... Как в старое доброе время!

На столе вокруг блюда с гусем зажаренные перепёлки, зелень, печёная и варёная рыба, множество хлебобулочных, как пишут в документах, вкусностей и просто хитроумной выпечки, Южанин обычно жрёт всё подряд, даже солёное со сладким, ему всё идет и всё лакомо.

Вкусностей много, но сейчас можно жрать сколько угодно. Вес не изменится, фигура тоже, чему особенно рад пока что отсутствующий Тартарин, у него от каждого пончика

раньше сразу по два мощных Змеевых Вала на боках, а морда становилась шире, чем у Лукулла вместе с Валтасаром.

Как и принято у нас ещё с тех времен, начали с жареного гуся, всё как в старину. Южанин сыто похрюкивает в кресле, очень довольный, что снова собрались в реале, а то за последнее время что-то совсем, но сейчас повод и даже как бы необходимость, судя по торжественному виду председателя, меня то есть.

Явтух помалкивает, как обычно на сходках, но по нему тоже ясно, доволен и жизнью, и здоровьем, и всеми нами. Всё хорошо, всё хорошо, прекрасная маркиза.

Гавгамел покосился на Казуальника, сказал брюзгливо:

– Перестань вертеть комнату!.. Я уже не понимаю, где юг, где север!

Казуальник сказал с беспечностью в голосе:

– А оно тебе надо? Извозчики на что?.. Ты ещё по коре деревьев начни определять: если обросло мхом, то юг!.. Хотя, может, и север, не помню. Но в школе чему-то учили.

Гавгамел изумился:

– Ты и те времена застал?.. А я уже из века навигаторов, были такие коробочки. Указывали, где ты есть и куда тебе идти.

– Куда идти, – сказал Казуальник, – и я могу послать и отправить! С напутствием насчет барабана на шее и паровоза навстречу!.

– Девочки, – сказал Ламмер сладким голосом, – не ссорь-

тесь. Если что, я знаю, как вас помирить.

– Бесстыдник, – ответил Гавгамел с чувством. – Иди к своим грекам или франкам, а мы лучше всего миримся после хорошей драки!

Я ел быстрее всех, всё вкусно, но я из тех, кто если может обходиться без еды – обходится с великим облегчением, и мне совсем неважно, какой энергий подпитывается организм.

Казуальник сыто рыгнул, погладил себя по вздувающемуся животу и ни к селу ни к городу пропел довольным голодом:

– И кто его знает, зачем он моргает, зачем он моргает...

– Нервный тик, – сказал Ламмер язвительно. – Признак одухотворенной натуры. Как вон у Гавгамела. Ты видел с каким зверски просветлённым лицом он лупает сю скалу?

– Зверски просветлённым, – согласился Казуальник. – Он такой у нас. Смотри, как смотрит, вот-вот ударит! Для просветления.

В трёх шагах от стола прямо из пола выметнулся огненный столб, пахнуло жаром, донесся грохот артиллерии и треск крупнокалиберных пулемётов, а из огня вышел Тартарин в маскировочном комбинезоне десантника, с длинноствольной винтовкой за плечами и хищной раскраской на лице, превращающей его в дикого зверя.

Слева на поясе к широкому поясу приторочен топор с от-

тянутым в обе стороны лезвием, справа две гранаты, по три тонких кинжала на груди по обе стороны.

Ламмер взглянул с брезгливым упреком.

– Как ты можешь, – сказал он с мягким укором вечно недовольного интеллигента из глубинки, – там же тоже люди! С конституционными правами.

Тартарин возразил:

– Я сражаюсь с нечистью, нежитью и Вселенским Злом!.. Опять жрёте?

Ламмер горестно вздохнул и поднял взор к потолку, а ехидный Казуальник сказал ему:

– Привыкай, Аркаша, так всегда в мире недалёких людей!.. Нет чтобы искать, найти и не сдаваться насчёт путей взаимопонимания!.. Ну и что, если у них нет сисек, а жизненно важный нам орган за ухом, как у натурщицы Пикассо? Мы же демократы или кто?.. Значит, должны их демократить во всех отношениях и позициях. Ага, понял? Да, во всех, не морщись, ты же не реднек, а податливый интеллигент, что принимает и сам все нужные гуманизму и обществу позы. Все равны и равногендерны в либеральном мире! Нужно учиться жить совместно, сосуществовать, учитывать чужие интересы и кунилингусы, а не вот так грубо женщину топором по голове, как питекантроп какой из фитнес-центра!..

Тартарин опустился на последнее свободное кресло, комбинезон неуловимо быстро сменился смокингом, винтовка, топор и гранаты с кинжалами исчезли.

– Шеф? – сказал он вопросительно.

– Я тоже не понимаю, – сказал я с отвращением, – как это вот так подбежать к женщине и топором, топором!.. Я понимаю потом, но не сразу же!.. Не по-мужски.

Тартарин отмахнулся.

– А я за равноправие!

– Демократ, – сказал я с осуждением. – Хуже того, либерал!.. Разве мы не поклялись оставаться старомодными якорями этого неустойчивого мира? И должны стоять, как утёсы на Волге?

Он сказал скептически:

– Да где те утёсы? Уже и Волги почти нет. Да и вообще, байма есть байма. Отдушина, что значит – от души идёт и никуда не свёртывает. В ней можно и того, чего низзя и не принято.

Ламмер, подбодрённый поддержкой Казуальника, сказал с жаром:

– Все с этого и вот, ага!.. А потом один другого или вон как ты топором Дездемону. Нет, надо билль о полном запрете. А то, хитроанусные, находите лазейки! Нет на вас товарища Сталина.

Тартарин вздохнул.

– Сам по тем временам скучаю. Правда, не застал, но дедушка что-то рассказывал...

– Что?

– Уже не упомяну.

Южанин довольно хрюкнул в своем углу и сказал со смешком:

– А мне дедушка... или дедушка дедушки рассказывал, что видел самого Чапаева!.. Сижу, говорит, за пулемётом,веду огонь, а командир кричит: вон по тому пальни!.. Вижу, человек речку переплывает, я по нему очередь, он оглянулся, тут я его и увидел...

Я ощутил, что мое невмешательство уже чересчурно, напомнил со строгостью:

– Господа товарищи, предлагаю опоздунов и прочих опоздателей не ждать. Больно жирно им. И плохой пример для молодёжи.

– Ну их, – сказал Казуальник бодро, – но всё же новые запреты надо! Потолще и побольше, побольше! А то вот некоторые всобачили интеллект и мыслительные способности своим кошкам и песикам. Перестроили им речевой аппарат, чтобы те могли говорить... И что? Уже не совсем держать их в конуре и кормить из миски!.. Добро пожаловать за стол вместе с хозяевами. Да и не хозяева уже, а как бы друзья, партнёры, равные... Но лапы не приспособлены держать ложку и вилки, пришлось им менять лапы на руки...

Ламмер зябко передернул плечами.

– Уроды, – сказал он с чувством. – Пришлось и всё тело менять. И что?.. Хрень какая-то. Зачем мне собака в теле человека?.. Да, не хватает нам товарища Сталина. Как потомственный сраный интеллигент заявляю, что всегда был про-

тив, а сейчас вот за!

Глава 8

Я поднялся во весь рост, сердце стучит молодо и мощно, даже учащённо. Чуткая нервная система реагирует на величие момента, отодвинул опустевшую тарелку, оглядел собравшихся, они, в свою очередь, время от времени бросают на меня заинтересованные взгляды, хотя жевать не перестают, это дело святое и праведное.

– Как сказал великий Явтух, – произнес я веско, – до старта осталось четырнадцать минут.

Казуальник ввернул:

– Чуть больше, надеюсь. Поспесишь – сингуляров насмешишь, хотя они и так с нас ржут, как конница Буденного вместо с лошадьми.

– Или чуть больше, – согласился я, – всё зависит от того, как стартанем. А мы должны! Иначе для чего копили силы, лежа на диванах?

– Насчёт четырнадцати сказал не Явтух, – уточнил сварливо Казуальник, – а Войнич. Хотя нет, Войнич писала не то про Слепня, не то про Овода, а Войнович – про Марс... Шеф, ты ещё Гурченко вспомни с её пятью минутами!.. Не гони лошадей, нам некуда больше спешить! Всё сделаем с чувством, толком и расстановкой фигур по квантовой доске жизни.

– До какого старта? – спросил Тартарин. – Старт дал Фё-

доров, а мы доведем до финиша.

Южанин посмотрел на меня критически.

– От нас зависит? – уточнил он с сомнением. – Мне кажется, от нас, к великому нашему счастью, больше ничего и никак. Только живём и чирикаем. Как птички божьи, что ходят по дорогам и говно клюют.

Ламмер сказал серым, как карандашный рисунок, голосом:

– Но кому-то такое щасте уже прёт взад.

Гавгамел надменно улыбнулся, красивый и могучий, смахивающий на титана, что дрались с эллинскими богами.

– Кому-то прёт, кому-то не прёт, а кто-то и сам прёт.

– От нас, – возразил я, – именно от собравшихся в этой комнате, зависит, каким быть человечеству. Что, прибалдели?

Казуальник сделал большие глаза, как у трагика Каратозова в пору его расцвета на сцене Александрийского театра.

– Че, че?

– Каким станет, – пояснил я. – И станет ли вообще. В целом и в частности.

– Глобалист, – сказал Тартарин с удовольствием, но обвиняющим тоном. – На госдеп работаешь? Слушаем в нетерпении!... Впервые глобальная цель!

– И вообще, – сказал Явтух, вечный пессимист. – Жги, Тютюн. Хоть Рим, хоть Москву, хоть глаголом наши сердечные мышцы и клапаны. Нас теперь ничем не удивишь. Да и

мы тоже никого.

Я промолчал, только загадочно улыбнулся, ещё чуть потяну, вдруг да подойдут опоздавшие, только Южанин не выдержал, бросил на опустевшую тарелку нож и вилку.

– Тютюн, ты чего?.. Говори!.. Зачем собрал?

Гавгамел возразил:

– погоди, там наверняка ещё народ на подлёте!.. Сколько старых членов давно не видели, имеют право узнать первыми.

– Да, – сказал я, – понаслаждаемся малость, а потом предстоит то, чем давно не занимались... В смысле, нас ждёт работа.

Южанин откинулся на спинку стула, даже перестал жевать, вечно сонные глаза заблестели.

– Серьёзно? Всем нам?

– Ещё какая, – сказал я таинственно. – Для Котельникова весточку передали? А то о нём что-то давно не слышал.

– Я тоже, – прогудел Гавгамел мрачно. – Может, махнул в сингуляры?.. Свинья, даже не попрощался.

Казуальник сказал грустно:

– Это мы для него теперь свиньи. Даже амёбы. А то и вовсе туфельки. Ну которые инфузории.

Дальняя стена вспыхнула цветными огнями, раздались бодрые звуки пионерского горна. Прямо из камня вышел Драндерин, за ним улыбающийся Феликсин, это он любитель запускать световые и прочие эффекты.

Драндерин в том же облике, в каком видел его всё это время, а Феликсин не удержался от позерства, сейчас в облике Калигулы, каким помним по реконструкциям. Хорошо, мелькнуло у меня, хоть не в образе своего коня, хотя и конь мог бы посоветовать ему вести себя пристойнее.

Казуальник бодро потер ладони, от них пошёл декоративный дымок с ароматом эвкалипта, мол, сильный энтузиазм, так предки огонь добывали. Или вроде бы так.

Гавгамел заулыбался, пошевелил пальцами, и у нашего стола появились ещё два кресла, не сидеть же таким исконным членам в пустом зале.

Драндерин заявил высокопарно и звучно, так, чтобы прозвучало на весь огромный зал, а ещё и эхо пометалось под высокими сводами:

– Я слышал... да было такое, шеф созвал для чего-то весьма мачного?

– Кофе? – спросил я.

– Покрепче, – ответил он бодро, в старое доброе время избегал кофе, сахара, соли и каких-то гликированных нитратей, чтобы дожить до этого времени, когда можно не избегать и вообще можно всё, хоть и не нужно. – И со специями!

– Обойдёшься, – отрезал я. – Эта крепость фёдоровщины признает только наши добротные вкусы. А ты уже извращенец, чтобы ещё и специи?

Гавгамел прогудел мощно:

– Всем бегом учиться у Южанина! Он так наизвращался,

что оставшуюся жизнь проживет пуританином и мормоном.

Явтух уложил вилку и нож крест-накрест на тарелку, так в старину давали знак хозяевам или официантам, что наелись, больше подкладывать не надо, вскинул голову и вперил в меня требовательный взгляд.

– Ну, – сказал он звучно, – говори! Все уцелевшие в сборе. Остальных спишем на сопутствующие потери. «Яблочко» песню допоем до конца!

Южанин снова с огромным куском уже поджаренного бараньего бока в обеих ладонях повернулся в мою сторону, тоже посмотрел с живейшим интересом.

– Да-да, – сказал он плямкающим голосом, – ты такой важный, словно в школе хорошо учился. В чем дело, шеф?

Их взгляды скрестились на мне, я сказал медленно:

– Должен сказать пренеприятнейшее известие... хотя приятнейшее, но неприятнейшее для лодырей, всё-таки придётся поднять жопы и кое-что сделать для счастья всего человечества.

Казуальник прервал:

– Да говори же!.. У меня уже ладони вспотели.

– Вчера пришло известие, – сообщил я. – Со вторника можем приступить к воскрешению предков!.. Чё, обалдели?

Все умолкли, думаю, не все и вспомнили с ходу, что мы и есть инициативный кружок имени Фёдорова. Того самого, что завещал потомкам воскресить своих предков и вообще не только своих, но и человечество, которому обязаны се-

годняшним благополучием, прогрессом, счастьем и вообще жизнью.

Тот кружок давно стал многочисленным обществом, а когда мода прошла, снова вернулся в состояние кружка, зато остались самые убеждённые и настойчивые.

Когда-то мы из партии трансгуманистов выделились в отдельную структуру, что занималась только пропагандой необходимости воскрешения всех людей на свете.

За это время прокатились три быстро сменяющие друг друга волны научно-технического прогресса, но мы всегда были уверены, что воскрешение наших родителей и нас самих – дело внуков-правнуков, однако прогресс нарастал настолько стремительно, что и мы успели воспользоваться, как пишут в СМИ, возможностями неограниченной продолжительности жизни, а это значит, что и предков воскрешать нам.

Я с интересом поглядывал на их лица. Как-то в быстро меняющемся быту многие даже забыли о том, что именно наше общество должно бы заниматься воскрешением. Кучковались просто по старой дружбе, основанной на общих вкусах, предпочтениях, интересах.

Я ощутил как где-то в вышине сгущаются темные тяжёлые тучи, но сказал наигранно бодро:

– Ну что, квиниты?... Мы как?

Южанин ответил, явно не подумав:

– Конечно!.. Давно. Как только, так сразу. Хоть и погода.

– А как это будет? – спросил Гавгамел с явным интересом. Я сдвинул плечами.

– Не знаю. Видимо, если не передумаем, а это вряд ли, то сегодня-завтра будет создано всё необходимое. Инфраструктура, как говорят, если вы ещё можете выговорить такое длинное слово. Дворец воскрешений уже есть, как видите, но пуст, осталось только поставить...

– Криокамеры? – подсказал Казуальник.

– Какие крио, – возразил Южанин, – воскрешатели!.. Типа больших таких пылесосов. Это в Версалих травили, душили, а то и без всяких фокусов ножом под ребро, а у нас всё наоборот.

Ламмер сказал сладким мечтательным голосом:

– Хотя травить и душить интереснее...

– И романтичнее, – согласился Южанин, вздохнул, – ах, Версаль, я вас пердю... Но здесь всё проще и сложнее, так что заниматься нам от и до. Кто бы подумал!

Гавгамел проворчал:

– Что значит от и до?.. Так говоришь, будто лопатами будем котлованить под фундамент! Хотя я могу, не всякие тут белоручки...

Я подумал, сказал без особой уверенности:

– Думаю, это как по щучьему велению, но только щуки теперь мы.

– Не нащучить бы, – буркнул Казуальник. – В этом мы впереди планеты всей.

Гавгамел сказал уверенно:

– Не нащучим и не наалибабим. Теперь возможности! Да-же не знаем сколько. И защита от дурака!

– Слишком много, – сказал Южанин с тревогой. – А Федора Михалыча нет, чтобы сузил.

Казуальник, который всегда позиционировал себя как тайного лидера в нашем обществе, сказал быстро и уверенно:

– Предлагаю составить список первой десятки, с кого начнём. Пробные, так сказать.

Гавгамел спросил с подозрением:

– Предполагаешь, выйдут бракованные? Или с дефектами? Брюсов предупреждал!.. И сам оставил завещание, чтобы его ни в коем случае не воскрешали!

Переглянулись, посмотрели на меня, я сказал с великим неудовольствием:

– Знаете ли, я бы не воспринимал заявление Брюсова всерьёз. Учитывайте эпатажность творческих людей. Жизнь он любил и не так уж ненавидел науку.

Казуальник предложил:

– А давайте всё же воскресим Брюсова... нет, сперва подправим ему загубленную алкоголизмом печень, уберем мучающий его артрит, покажем, как жизнь...

Ламмер подсказал:

– И покажем, сколько вокруг доступных женщин...

– Да-да, – согласился Казуальник, – покажем, что все жен-

щины доступны, что таких слов, как «разврат», «извращения» и всякие там девиации вообще не существует, так как всё можно, а потом спросим, дескать, хочет ли взад в могилку?

Ламмер запротестовал:

– Это нечестно!.. С другой стороны, если человек в полном уме и ясной памяти выразил свою волю...

– Насчет этого сомневаюсь, – отрубил Казуальник. – Он часто писал в пьяном виде.

– В пьяном виде мы тоже люди, – заявил Ламмер гордо и вскинул голову, как коза под деревом с сочными листьями.

– А в трезвом? – спросил Казуальник ехидно.

Ламмер развел руками.

– В трезвом – то, чего желает от нас общество и общественность. И эти, как их... заповеди!.. Мы нечто искусственное, как все созданные законами люди!.. Шеф?

Я пробормотал:

– Естественна только природа. А мы... что мы, что-то вывихнутое. Человек же вычленился из природы...

– Выделился, – поправил Ламмер с неудовольствием. – какие-то слова гадкие подбираешь!.. Чему тебя улица учила?.. Шеф должен быть безукоризненным!

– Потому он чаще всего помалкивает, – сказал Казуальник уличающе. – Шеф, техника теперь умная, это мы со своим человеческим фактором... Мы же мудрые, да?.. Особенно

Гавгамел, когда пьяный.

Гавгамел ответил с ленцой:

– Я всегда мудрый и красивый. А вы как были козлами соплеменными, так и остались, бараны тонкорунные. Я бы начал воскрешение со своих бабушки и дедушки.

Казуальник высоко вскинул брови, они для этого момента стали шире и гуще.

– Ты же их воскресил?

– Только отца и мать, – уточнил Гавгамел, – и не воскресил, а разморозил, это да. А бабушку и дедушку захоронили. Думаю, сохранилось и ДНК, и всё прочее. Жил у них в детстве, самое счастливое время... но лучше всего испытать аппаратуру и методику на ком-то, кого не жалко. Поэтому предлагаю первым воскресить Пушкина!

Глава 9

Все умолкли на мгновение, я тоже молчал и поглядывал по сторонам, пусть народ выказывает инициативу, наконец Казуальник спросил с некоторой оторопью:

– Почему... Пушкина?

Южанин уточнил:

– Это тот негр, что нигде не работал, писал рэп и погиб в перестрелке?

– Тот, – ответил Гавгамел серьёзно, не реагируя на ерничество. – Потому что Пушкин – это наше всё, как сказано в программе.

– Программе КПСС?

– Нашей проге. Откуда мы её списали, не смотрел, больно красивая. Наверно, из Библии.

Казуальник сказал тем же наглым тоном:

– Пушкин и в квантовой физике разбирался лучше всех, если он наше всё? Но я предложение Гавгамела всё же подерживаю. Гавгамел хоть и дуб, да ещё и зелёный, но угадал. О Пушкине слышали все. Даже те, кто не знает, человек это или лошадь. Начинать воскрешение нужно со знаковой фигуры, т. е. фигуры. Тогда нашу работу увидят, оценят, получим поддержку, хоть на хрен она, но одобрение приятно даже таракану, пусть их не одобряет престарелая Грета.

– А она почему?

– Люди меняются. Только мы, как орлы соплеменные, всё те же, чем и горды, как арабские скакуны Фернанделя.

Ламмер протянул сладким и тягучим, как патока голосом:

– С Пушкина, так с Пушкина. Главное, наконец то, о чем мечтал ещё Всё Видавший. Он даже гадюку убил, чтобы проверить насчет воскрешения!

Гавгамел хмыкнул:

– Я бы гадюку и так просто за то, что гадюка, хоть это и расизм. Мы млекопитающие или нет?.. Командир, что спишь? Начинай голосованье!

Я нехотя поднялся, что-то в последнее время совсем не тянет начальствовать, как в старые времена, спросил строго:

– На первое воскрешение выдвинута кандидатура Пушкина. Кто «за»? Кто «против»?

Руки начали подниматься медленно, с неохотой, у кого-то есть и другие кандидатуры, но предлагать не стали, совсем инертный народ, хотя вроде бы хорошо пообедали.

Я окинул взглядом зал, наша горстка на сцене смотрится совсем сиротливо.

– Большинством голосов, – сказал я, не поднимаясь с места, – утверждаем кандидатуру Пушкина!.. Прекрасно, голосование закончено... Завтра, надеюсь, вся инфрю... инфрю... тьфу, всё необходимое будет готово. И наконец-то покажем предкам, что благодарны им за подаренную нам жизнь!.. И отвечаем той же монетой. На том наша... В общем, стояли и стоять будем, как наши пращуры на поле Ку-

ликовом!

Южанин молчком-молчком заставил стол закусками, со-
всем уж стал деревенщиком, кто же закусывает шампанское,
да ещё из погреба самого Людовика Четырнадцатого, перед
каждым на столешнице возник фужер из стекла тончайшей
работы.

– За Пушкина, – предложил он. – За наше усё!

Казуальник сказал лихо:

– Да хоть и за Пушкина!.. В такой день грех не выпить!

Гавгамел проронил ехидно:

– У тебя все дни такие. Давайте всё-таки о деле. Сингу-
ляры дают нам возможности, а как воспользуемся, это уже
наше дело, деликатно не вмешиваются. То есть воскресить
теперь можем любого.

Казуальник с сухим треском потёр ладони, костистые, как
сучья омелы.

– Быстро работают!.. Неделю назад начали выводить из
заморозки крионированных, три дня тому стало возмож-
ным оживлять недавно умерших и похороненных в могилах,
лишь бы уцелела хотя бы косточка, а лучше кусок плоти, а
сегодня уже и вообще любого?.. Даже Навуходносора?

Гавгамел сказал с неудовольствием:

– Зачем он тебе?

– А это он гордится, – пояснил Ламмер ядовито, – что
такое имя сумел выговорить. Он же американец, а те уже на
трёхсложном слове спотыкаются!

Казуальник сказал в раздумьях:

– Надеюсь воссоздают не абсолютные копии, а именно оживляют. Хотя не представляю...

– Почему нет? – спросил Гаагамел. – Если понимаем и представляем, то для сингуляров раз плюнуть. Хотя плевать вряд ли умеют.

Южанин сказал от стола авторитетно:

– Должны все уметь!.. Я бы не отказался даже от привычки мочиться в раковину для мытья рук. Это же наше мужская привилегия!..

Я похлопал ладонью по столу.

– Тихо!. Вернёмся к нашим баранам. Я не вас имею в виду, Валентин Борисович, не надо вот такие взгляды, как Отелло на Дездемону. Пришло время, о котором писал Фёдоров, о котором мечтали лучшие умы... Вы это чувствуете? Время пришло, а мы сидим!

– Можем встать, – предложил Казуальник. – Поприветствовать. Или ты возжелал прохрюкать что-то другое?

Гавгамел сказал гулким голосом древнеримского трибуна:

– Воскрешение сингуляры оставляют нам. У них своих дел хватает. Нам дают все технические возможности. Освоить проще простого. Никакого мыслеуправления, только голосовые команды, как мы привыкли. Аппаратура, как я понимаю, появится по нашему слову в том месте, где укажем. И встанет в нужную позу.

Ламмер вздохнул.

– Снова он за своё... Сексуальный маньяк, лечить пора. Южанин провозгласил:

– Все за стол! Нужно за начало такого великого дела сделать что?.. Вижу по довольным мордам, догадались...

Квартира обрадовалась моему возвращению, как верный пес, которого хозяин оставлял на целую неделю. Я небрежно повел ладонью, дескать, оценил, я тоже вас всех люблю, а сейчас успокойся, Чапаев думает.

Кресло пару раз попыталось незаметно превратиться в роскошный диван, но я пресек поползновения сделать меня Южанином, мозг пашет всюю, пытаюсь понять, что же не так с нашим великим делом воскрешения.

Это же не просто великое, может быть, самое великое из того, что сумели люди! С прогрессом понятно: открыли огонь, изобрели колесо, водяные мельницы, электричество, атомную энергию, смирили термояд, но это всего лишь долгий и неизбежный подъём со ступеньки на ступеньку, а вот воскрешение – это нечто особое!

Весь прогресс вызван простейшими инстинктами доминирования и захвата новых кормовых участков, а воскрешение – высочайший акт духовной мощи, так как вовсе не является необходимостью для выживания и захвата всего, до чего можем дотянуться.

Это первое и пока единственное доказательство, что человечество думает не только о себе, своих потребностях, но

и вспоминает, кому вообще обязано жизнью. И не просто вспоминает, а старается вернуть хотя бы часть долга.

Так почему же... так мало энтузиазма? Это же повод для такой гордости собой и человечеством, что даже не знаю!

Квартира как бы даже шевельнулась и вильнула хвостом, извиняясь, что вмешивается в ход моих мыслей, голос её прозвучал просительно:

– Просит аудиенции господин Зеро, известный на форумах ещё как Абырвагал и Золотой Меч... Говорит, по важному делу.

Золотой Меч, мелькнула мысль, мальчишка какой-то, но кивнул, дескать, допусти, бывают исключения...

В комнате свет стал ярче, в самом центре проступила фигура высокого и крепкого сложения мужчины. Лицо мужественное, два шрама на подбородке, взгляд прямой и взыскующий, одет несколько консервативно, чисто выбрит, ноздри уловили аромат мужских духов... нет, скорее одеколона.

Я сделал шаг навстречу, протянул руку.

– Здравствуйте. Что привело к нам?

Рукопожатие давно вышло из употребления, но вообще-то это лишь добавочный тест с моей стороны, он ответил без колебаний умеренно крепко, это чтобы не вызывать чувства соперничества. Если пожмёт мою ладонь слишком сильно, это минус в карму, как и если чересчур вяло, в древние времена тоже считалось дурным тоном, как бы признаком неуважения и вынужденным следованием надоевшим риту-

алам.

И, похоже, понимает, что я присматриваюсь, как ко всякому незнакомому человеку.

– Чем обязан? – спросил я. – Прошу, садитесь.

Он с некоторой церемонностью опустил в кресло, движения сдержанные, хотя держится с достоинством, но подчеркивает, что в гостях у человека, который выше по рангу.

– Рад с вами пообщаться лично, – произнес он приятным, но с отчётливыми мужскими нотками голосом. – Всегда трепетно относился к идее Фёдорова о всеобщем воскрешении предков. Правда, в вашем обществе не состою...

Я полюбопытствовал:

– Что помешало?

Он мягко улыбнулся.

– Я бизнесмен, уже в свои неполные двадцать пять лет заработал первый миллион долларов. Появились яркие девочки, которые раньше на меня внимания не обращали, множество друзей, но я шел дальше и в тридцать пять сколотил первый миллиард.

– Ага, – сказал я понимающе, – но всё ещё развлекал избегали?..

Он чуть наклонил голову.

– Верно. И к пятидесяти у меня было состояние в семьдесят миллиардов. Даже не женился, чтобы при разводе не потерять половину, как чаще всего случается в нашем сволочном мире... В общем, к моменту перехода в сингулярность у

меня было больше сорока металлургических заводов, десятков авиалиний и вообще много чего, перечислять нет смысла.

– Понял, – ответил я, – потому формально в нашем обществе не состояли, но как-то участвовали?

Он улыбнулся чуть шире.

– Ощутили? В донате вашему обществу часть была с моей стороны. Так проще, чтоб никаких обязательств.

– Всё понятно, – сказал я, стараясь сократить преамбулу, – а сейчас что вас привело к нам?

– Услышал новость, – ответил он и прямо взглянул мне в глаза. – Воскрешение! Мне как-то не повезло с родителями, но бабушку с дедушкой безумно люблю и обожаю. Для меня будет самым большим счастьем увидеть их снова! И устроить им комфортную жизнь, которой были лишены в своё время. Я всё отдам, только бы они жили и радовались...

Я ответил осторожно:

– Массовое воскрешении – следующий этап. Сейчас пока отрабатываем саму методику, просчитывает последствия.

Он сказал мягко:

– Мы с вами не массовые люди, не так ли?.. Это мы решаем, кого воскресить первыми, кого позже, а кого вообще отложить на неопределенное время. Есть же вообще преступники, с которыми, думаю, и вам вполне понятно.

Как раз непонятно, мелькнула мысль, об этом вовсе не думал. Да и никто, похоже, не думал. У нас есть идея, вооду-

шевление, чувство долга, а детали потом, как-то разрулим.

В его взгляде на мгновение мелькнула мольба, я всей кожей ощутил его стыд, неприлично вот так раскрываться перед незнакомым человеком, мужчины в наши времена держались доминантно, были столпами и опорой семьи и общества, а сейчас по лицу вижу, что готов встать на колени.

– Простите, – ответил я со вздохом, – но это и огромные затраты, которых не видим, но они есть... Да, потом себестоимость воскрешения резко снизится, но в этот начальный период ещё не всё просчитано.

Он прервал:

– Простите, но с этим у вас затруднений не будет.

– Финансирование, – сообщил я, – ещё не главное. Нужны огромные мощности...

Он снова сказал быстро, успев вклиниться в короткую паузу:

– Я владею двумя атомными станциями. Конечно, их мощь не идёт ни в какое сравнение с нынешними термоядерными установками, но зато к ним внимания меньше.

Я умолк на мгновение, он не сводит с меня взгляда, и чувствуется, что приготовил ещё ответы на мои следующие вопросы и возражения, явно умелый предприниматель, такие все просчитывают загодя.

– Это большой риск, – начал я, он улыбнулся и прервал, ухитрившись сделать это так непринужденно и даже элегантно, словно просто продолжил мою фразу: – Признайтесь, вам

же тоже хочется запустить как можно скорее!.. Ещё до того, как вас местные законодатели обложат инструкциями, законами, предписаниями.

Я умолк, он попал в самое больное место. Вообще-то общество реагирует в целом правильно, хотя и как-то инстинктивно, заранее отгораживается забором из законов от возможных угроз, а их с каждым днем всё больше, всё глобальнее и страшнее, но мы оптимисты, всегда уверены, что с нашим видом ничего опасного не случится.

– Хочется, – ответил я честно.

Он сказал с мягким напором:

– Мы же не атомную бомбу создаем!.. Какой вред обществу, что воскресим моих дедушку и бабушку раньше других?..

– Наверное, – сказал я осторожно, – не вред, а какой-то ущерб? Не знаю, но предполагалось, что не будем пользоваться какими-то лазейками в законе о воскрешении... которого ещё нет.

Он воскликнул:

– Мягкие интеллигентные люди, он преподавал в школе математику, а бабуля как окончила музыкальное училище, так всю жизнь и оставалась учительницей музыки! Я очень по ним скучаю.

– Да понятно, – протянул я, – и чувствуете вину, что живёте роскошно... да вообще живёте!

Он прервал живо:

– Вот-вот! Вы все прекрасно понимаете. А они, которые дали мне жизнь, прожили в бедности и даже не успели увидеть, как я начал выбираться из нищеты! Я только собрался помогать им финансово, как оба умерли в пандемию.

Я отвел взгляд, у меня такое же чувство к своим бабушке с дедушкой. В молодости все мы эгоисты, это биология, родителей воспринимаем только как забор на пути к нашему будущему, подсознательно желаем им смерти, чтобы освободили нам дорогу, да и жилплощадь вся станет нашей, плюс какое-то наследство, но с возрастом это уходит на задний план, начинаем чувствовать любовь и нежность к ним, таким старым и беспомощным, которые заботились о нас.

– Верно, – сказал я со вздохом. – Родителям мы обязаны всем. Уже тем, что существуем. И, конечно, хорошо бы наш долг вернуть при малейшей возможности.

Он встрепнулся, взглянул с надеждой щенка, которого человек возьмёт на руки, приласкает и скажет, что возьмет в дом, а не утопит.

– Вот-вот, – сказал он жарко, – иначе это нечестно!.. Они дали нам жизнь, а мы...

– Все равно это сложно, – сказал я. – Такое начинание не спрятать. Даже простой перевод средств... Сингулярам, конечно, все пофигу, но местная власть сразу же протянет лапу.

Он встрепнулся.

– Предоставьте эту сторону вопроса мне!.. Я в своё вре-

меня создал благотворительный фонд, деньги там почти все мои. Спонсировал новые разработки в медицине, химии, даже в математике. Внимания не привлечёт, если перечислю какие-то суммы в ваше общество.

Я подумал, сказал в нерешительности:

– Может, не привлечёт, а может и привлечь. Тогда лучше вам стать официальным партнером. Со стороны будет, что вкладываете средства как бы в свое дело.

Он сказал жарко:

– Да-да, спасибо!.. Мне достаточно одного процента или одной акции. Дело же не в прибыли, но для проверяющих органов важно именно участие. Спасибо, что поверили!..

Я сказал сварливо:

– Да просто вы пришли в нужный момент. Мы в самом деле уперлись в сложные вопросы.

Он улыбнулся, у меня мелькнула догадка, что отслеживает наши действия и в самом деле сегодня не просто мимо шел, но это неважно, явился и предлагает именно то, из-за нехватки чего пришлось бы раскрывать карты перед теми, перед которыми все равно придётся, но пусть это будет чуть позже.

– Финансирование, – сказал он, – моя проблема. Сингуляры все видят, но, как боги, не вмешиваются, а мои юристы знают, как провести всё так, что комар носа не подточит. В моих хранилищах двадцать экзаватт мощностей, на первый раз хватит?

Я отшатнулся в кресле.

– Свят-свят!.. Нам этого даже не знаю на сколько!

– Берите, – сказал он, – Заполнено под крышу, хранить негде. Так изголодались в прошлые годы, что теперь, как хомяки, копим и копим.

Я сказал быстро:

– На первом собрании утвердили первым к воскрешению Пушкина, но обещаю, ваши родители... то есть дедушка и бабушка, следующие на очереди!

Он поднялся, вежливо поклонился.

– Спасибо за понимание!

Рукопожатие было таким же крепким и дружеским, но я проследил за ним взглядом и успел заметить, что он сразу же растворился в воздухе, едва переступил порог.

Кольнула лёгкая досада, не распознал цифровую аватару, очень качественная, более реальная, чем многие натуральные люди. Вон даже тяжёлое кресло придвинул к столу, как сделал бы человек его возраста и комплекции.

Возможно, и создана специально для разговора со мной, а в реальности это крепко сбитый бык, жестокий и бесцеремонный, всегда идущий напролом, но со мной такое вызовет отторжение, потому выбрал личину, что вызовет максимальное расположение.

– Хорошо, – сказал я себе тихохонько, – сперва Пушкина, потом выполним пожелание этого донатора.

Глава 10

Изначально, ещё в конце двадцатого века, когда сами были смертными, но видели сверкающий край Эры Бессмертия, уже тогда ощутили вину перед предками, что доживём, а они не смогли.

И с этой виной дотянули до времени продления жизни, потом до нынешнего бессмертия. Сперва стариками, затем омолодились каждый в меру своей дурости, сейчас вот пьём и гуляем, а для них ничего не делали, оправдываясь, что такова жизнь и возможности ещё не созрели.

Но вот время наконец-то сказалось бодро: ребята, распахивайте ворота, щасте прибыло! Ваши предки, ближние и далекие, и вообще все-все люди, наконец-то смогут вернуться.

Раньше были только переносчиками жизни из прошлого в будущее, а сейчас станут полноценными участниками жизни и общества, вот обрадуются, да что там обрадуются, это же лучше любого рая!

Дальше мысли начали путаться, я ощутил, что засыпаю, подумал в который раз, что пора избавиться от этой рудиментарной привычки, зачем только и вставили в устав это правило держаться старых обычаев, переосторожничали.

Утром подошел к окну, там вместо Версаля высится воздушно лёгкое, словно дворец королевы эльфов, здание. Высокое, подобно Кельнскому собору, из зелёного мрамора, хо-

тя, конечно, какой сейчас мрамор, с хорошими подъездными путями и тремя площадками для вертолётов между ост-роконечными шпилями.

Похоже, ГИИ проанализировал за ночь наши пожелания, что-то подправил, что-то изменил, и теперь вот это чудо, как ни крути, но лучше того, что было. Похоже, во сне мы умнее бодрствующих.

Правда, парк исчез, уступив место величественной площади, мелькнуло короткое сожаление, но и деревья появились однажды вот так же за ночь. Просто как-то поговорили, что хорошо бы парк со зверюшками, оленями и белочками, незримый обслуживающий персонал подсчитал голоса или как-то ещё, как всегда делает, когда что-то делает, основываясь на наших пожеланиях, даже невысказанных, но как-то считываемых им, и построил.

Пока я рассматривал здание, перед глазами высветилась емейлишка: «Уже видишь? Ну и вкусы у тебя!.. Разве так выглядит реабилитационный центр для воскрешаемых?»

Я ответил с досадой:

– А кто знает, как он выглядит?.. Маяковский не дал подробностей, а сам Фёдоров о здании и вовсе не упоминал... И вообще, чего так вверху торопятся? Мы же ещё не обсудили, как и что.

Голос Гавгамела в ухе хохотнул:

– Видимо, полагают, что это нам раз плюнуть. После обеда начнем, к вечеру тяп-ляп, всё сделано, поперли к цыганам с

медведями!.. Или начнем плясать с бубнами вокруг костра!

– Иди ты, – сказал я с досадой. – Всё ещё не представляю, с чего вообще, а ты уже к предметам своей демократической похоти, что Заветы осуждают, как Старый, так и Новый.

Он сказал бодро:

– А какие проблемы?.. Называем имя, в камере что-то жужжит, а через минуту-другую выходит Наполеон или Навуходносор с гаремом. Любой, кого закажем!

На стене между широкими окнами появилась дыра с обугленными краями, в глубине мелькнул Казуальник, приблизил лицо, ещё больше худое и с заостренными, как у горгоны, скулами и нижней челюстью.

– Жужжать не будет, – заявил он с ходу. – Не заметили, все вокруг бесшумное и почти незримое?..

– И чё?

– Соскучился по жужжанию, – сообщил он. – И грюканью-звяканью.

На стене высветилось рыхлое лицо Южанина, огромное, как тыква-переросток, но аватаренное, с массивной челюстью и зачем-то остроконечными ушами.

– Хочу Навуходносора, – прорычал он и посверкал хэлоунски горящими красным огнем глазами. – С гаремом!

– Не юродствуйте, – оторвал я. – А что потом?.. Увидят наш мир, скажут, что в ад попали. Или что их инопланетяне похитили!

– Тогда ещё не было инопланетян, – объяснил он автори-

тетно. — но насчёт что потом... А потом суп с котом!.. Давай сделаем, а потом разберемся! Когда делали иначе? Да и нам впервые, что ли?

Я сказал серьёзно:

— Такое впервые. Нет уж, соберёмся, обсудим, тогда и начнём называть фамилии...

— Все-все? — спросил он с иронией. — Вплоть до лемуров?

— Первый десяток, — ответил я.

— Лемуров?

— Человеков. В качестве тестового процесса. А потом уже массово по Фёдорову.

— Строем в колонне по двое, — сказал ехидный Казуальник. — И у всех красные барабаны на груди!..

Южанин сказал бодро:

— Были сборы недолги, от Кубани до Волги мы коней поднимали в поход... Хорошо, завтра все как штык!.. Явимся, блестящие и трезвые.

Он отключился, никто из нас не может подолгу вести разговоры на одну и ту же тему, те книжные времена в далеком прошлом.

Некоторое время пытался заняться привычными развлечениями, консерваторы спят долго, но мысли то и дело возвращаются к воскрешению, что как снег на голову. До этого хоть и было нашей целью, но больше декларированной, далёкой, что, как звезда, сияет и манит, а мы, гордые и благородные, идём к ней, несмотря ни на что, хоть и стоим, а то

и лежим.

Но одно дело – искренне хотеть, другое – вот так столкнуться с реальностью. Время пришло, уже можно засучить рукава!

Раньше все было норм, мы часто и со вкусом говорили о том, какое это благородное дело, рассуждали, как воскресим Ньютона, Архимеда и даже кроманьонца Васю, что изобрёл колесо, как все было здорово, и какие мы молодцы, всё сделаем, это же наш долг, без них бы не только не создали эту сверхвысокотехнологичную цивилизацию, что уже бороздит просторы космоса на звёздных тракторах, но и нас самих бы не было.

Но сейчас какая-то странная тревожность, и не пойму, с какого вдруг бодуна. Всё будет безукоризненно, к этому уже привыкли, это у них там наверху могут и наверняка накладки, то звезда не так взорвётся, то чёрная дыра не пустит унурь, а здесь всё давно отлажено, в нашем мире ничего не случается.

– Сделаем, – сказал я вслух. – Всё сделаем. Сами!

Квартира ответила заботливо:

– Чем-то могу помочь?

– Береги усё, – сказал я. – От ворья, инопланетян и зелёных человечиков. А сейчас свяжи с Тартарином...

Голос Тартарина прозвучал моментально:

– А сам уже разучился?.. Нет, давно не сплю.

– Тогда вставай, – велел я. – Отечество зовёт и кличет.

Народ собирается... наверное.

На всю стену, даже перекрыв окна, появилось остроугольное, словно собранное из металлических треугольников лицо Тартарина. Посмотрел прищурившись, яркий солнечный свет режет глаза, сказал хриплым с пересыпу голосом:

– Сейчас-сейчас... Только покормлю зверушек, они только из моих рук привыкли... Меня любят, это ты как был бо-былем, так им и остался. Хотя бы собаку завел... Или зем-новодных.

Я ответил недовольно:

– На хрена мне чирикающие крокодилы, что у тебя не деревьях?... Бусуку бы, да и то некогда.

– Чирикающие крокодилы, – возразил он, – это вызов устоявшимся вкусам троглодитов. А мы, молодые и сильные, творим новое искусство для интеллектуальной элиты!

– Хотя сам ещё тот пролетариат, – уточнил я. – Ты кем был, таксистом?... Хотя вообще-то таксисты и домохозяйки в последнее время уже правили миром, тут ты прав. И диктовали вкусы.

Он хрюкнул сердито:

– Я был визажистом!... Или стилистом, уже не помню. Словом, дизайнером!

– Ландшафтным? – спросил я ехидно.

Он недовольно хрюкнул, оскорблен до глубины фибров, и оборвал связь.

На улице тепло и солнечно, ветер с ближайших деревьев

срывает и кружит в воздухе красные, багровые и пурпурные листья, те приятно шелестят под ногами, напоминая, что пришла осень, хотя температура весь год одинаковая, а осень и зима — всего лишь медленно сменяющиеся декорации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.